

ВИКТОР
ПРОНИН

ВЫСШАЯ
МЕРА



ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОТ СОЗДАТЕЛЯ
«ВОРОШИЛОВСКОГО
СТРЕЛКА»

Виктор Пронин

Высшая мера

«ЭКСМО»

2003

Пронин В. А.

Высшая мера / В. А. Пронин — «Эксмо», 2003

Сможешь ли ты жить после того, как бандиты зверски убьют твою жену и ребенка? Кто бы ты ни был, отныне тебе нужно только одно – убить врага. Именно этим желанием одержим банкир Апыхтин – найти и покарать. Убийцы не знают жалости, а он забудет про нее. Он достанет их, достанет во чтобы то ни стало...

© Пронин В. А., 2003

© Эксмо, 2003

Виктор Пронин

Высшая мера

– Говорят, в городе появилась какая-то очень крутая банда?

– Крутыми бывают только яйца.

Фольклор 1999 года

Фамилия у него была не очень красивая, таилась в ней какая-то скрытая усмешечка. Из таких фамилий легко получаются клички, прозвища, причем обидные прозвища, хотя особенно унижительными их назвать нельзя.

Апыхтин, Владимир Николаевич Апыхтин – так его звали. За подобной фамилией видится что-то мягкое, пытящее, податливое. Одним словом, нетвердое. Над таким человеком не грех посмеяться, можно и задеть этак легонько, не задумываясь о последствиях. Можно вообще его не заметить. И слова, которые он произносит, можно не услышать. Ничего при этом не потеряешь. Какие у него могут быть слова? Наверняка какая-нибудь жалоба, прошение, заявление о материальной помощи или об отпуске за свой счет по случаю болезни жены, тещи, тетки...

Именно такая фамилия была у председателя банка «Феникс» – хорошего, крепкого банка, крупнейшего в городе, между прочим. И уже только из одного этого обстоятельства можно сделать вывод, что все сказанное об этом человеке – чистое заблуждение, как говорится, ошибочка. Председатель правления банка не может быть слишком уж податливым. Если в школе его дразнили Пуховичком, Паровозом, а паровозы, как известно, пыhtят и дымят, то это еще ни о чем не говорит. Школу он закончил лет двадцать назад, из чего следует, что возраст у Владимира Николаевича Апыхтина приближался к сорокалетнему рубежу. Рубеж этот должен был наступить опять же не так уж и скоро, не прямо завтра – через три-четыре года.

За эти вот двадцать лет из Пуховичка и Паровоза вырос громадный детина под метр восемьдесят с гаком, уверенный в себе, громкоголосый, шумный, громко хохочущий. Однако уверенность его была без наглости, без нахальства, неназойливая такая уверенность, еще ее можно назвать истинной уверенностью. А если уж вспоминать школьную кличку, то надо признать, что действительно полноват был Апыхтин, явно полноват. Но солидная должность и большие возможности эту полноту скрадывали и делали ее как бы и незаметной, чуть ли не обязательной.

Выглядел Апыхтин как и подобает нынешнему банкиру – любил темные костюмы, предпочитал белые рубашки с запонками и галстук с заколкой. Носил затемненные очки в тяжелой оправе, отрастил бороду, короткую, но окладистую, от уха до уха. Темная челка густых волос придавала ему вид молодой и даже слегка шаловливый. Выбор такой прически был прост и естествен – к тридцати семи годам у банкира образовались хорошие такие выразительные залысины. Прикрывал он их очень тщательно, так что об этих залысинах не знали ни секретарши, ни ближайшие соратники, ни многочисленные клиенты банка, которые, естественно, смотрели на банкира во все глаза, стараясь чуть ли не по цвету галстука, по складкам на пиджаке определить его решение, настроение, приговор.

Промелькнуло слово «шаловливость».

Да, это качество было вполне присуще Апыхтину – он и в самом деле был весел, здоров, охотно и заразительно смеялся, показывая желающим все свои зубы – хорошие зубы были у банкира, белые, крупные, и каждый на своем месте. При таких зубах, при такой должности – кто угодно будет смеяться, запрокидывая голову и играя румяными щечками, светящимися из бороды. И для бороды имелась причина – шрам проходил у Апыхтина от уха до подбородка, серьезный такой шрам – напоминание о неосторожной, беззаботной молодости.

Бывает. И самое главное, что нужно сказать об Апыхтине в связи с предстоящими событиями, – он был влюблен.

В собственную жену.

Тихо был влюблен, без стенаний и безумств, но зато постоянно.

Катя? Да, ее звали Катя, была она лет на десять моложе Апыхтина, фигура позволяла ей ходить в брючках и великоватом свитере. В такой одежде она появлялась на банковских торжествах, да и на собственной кухне была одета так же. Разумеется, в других брючках и в другом свитере. Короткие светлые волосы не требовали сложных причесок, свежее лицо почти не требовало кремов, и вообще ее здоровое стройное тело не требовало никаких ухищрений и снадобий.

И еще был у Апыхтина сын, тоже Владимир, Вовка, десятилетний плут, унаследовавший от родителей здоровье и веселый нрав. Двойки его не огорчали, как не огорчали они и родителей, пятерки тоже не приводили семью в радостное возбуждение. Сам Апыхтин в свое время учился плохо и прекрасно понимал, что есть в жизни и другие показатели способностей, не только отметки в школьном журнале или в затертом дневнике.

Это утро, роковое утро в жизни Апыхтина, начиналось как обычно. Он проснулся первым, он всегда просыпался первым, некоторое время лежал, глядя в потолок, прокручивая мысленно все те дела, которые сегодня ему предстояли, – совещания, встречи, приемы. Еще раз убедившись, что все это сделать он успеет, Апыхин осторожно просунул руку под голову Кати, привлек ее, спящую, к себе, поцеловал куда-то под подбородком и встал. Пройдя на кухню, он слегка качнул колокол, подвешенный в дверном проеме.

Вся квартира тут же наполнилась сильным долгим звоном.

– Подъем, ребята, подъем, – пробормотал он.

Выходя из кухни в ванную, он снова качнул колокол, и снова раздался радостный звон, не услышать который было просто невозможно. Когда он вышел из ванной, веселый, влажный, полный, Катя уже стояла у плиты, а сонный, почти ничего не видящий Вовка сидел перед громадным экраном телевизора.

– Звонил Басаргин, – сказала Катя.

– Чего ему?

– Поздоровался.

– Трепещет Басаргин.

– А чего ему трепетать?

– Кредит пробивает... Странный такой кредит. – Апыхтин присел к столу, втиснувшись в самый угол.

– Не пробьет? – усмехнулась Катя, не оборачиваясь от плиты.

– Нет.

– Обидится?

– Да ему уже пора привыкнуть... Такую публику тащит... Где он их только берет? Не пойму. Гнать их всех придется.

– Но он же твой заместитель. – Поставив перед Апыхтиным яичницу, густо посыпанную укропом и петрушкой, Катя присела напротив, подперла подбородок кулачком.

– Мало ли этих замов... У меня их трое.

– Те тоже тащат странную публику?

– Нет, только Басаргин. – Апыхтин замер, уставившись прямо перед собой в стену, и некоторое время как бы отсутствовал, унеся в свои банковские кабинеты, коридоры, сейфы.

– Возвращайся, – сказала Катя, положив ладонь ему на руку.

– Куда? – не понял Апыхтин.

– На кухню. К яичнице.

– Ах да... Причем явно уголовная публика. И он это знает. Я это знаю. Другие замы знают – и Осецкий, и Цыкин.

– Но тащит? – улыбнулась Катя.

– Да! – подтвердил Апыхтин. – Еще как тащит!

– Может, он таким образом предлагает вам «крышу»?

– Есть у нас «крыша»! Наша «крыша» – самая крутая в городе!

– Чем же она так хороша?

– А тем, что надежная. Да, мы платим Кандаурову, но зато живем спокойно. Как только возникает какой-нибудь качок, я сразу отправляю его к Кандаурову – решайте, ребята, свои проблемы без меня. И все. Больше качок не появляется.

– Нигде? – Катя сидела все так же, подперев кулачком щеку и следя за тем, чтобы Апыхтин все-таки съел яичницу.

– Может, где и появляется, может, уже нигде... Зачем мне об этом думать? Я плачу деньги. Вовка! – крикнул Апыхтин, повернувшись к двери. – Быстро к ноге!

Долгое время в комнате стояла тишина, потом послышались какие-то невнятные шорохи, вздохи, шаги, и наконец в дверях возникла заспанная физиономия сына.

– Ну? – сказал он.

– Через неделю едем на Кипр.

– Знаю.

– Ты готов?

– Ну.

– Есть что надеть, обувь?

– Есть.

– Литературу почитал, историю, географию, карту острова изучил? Знаешь, где находится бухта, из которой Афродита вышла?

– Из пены она вышла.

– Не из мыльной же пены! – заорал Апыхтин, теряя терпение.

– Из морской.

– Как называется главный город Кипра?

– Так и называется... Столица.

– Все! Сгинь. Нет больше моих сил заниматься твоим воспитанием! – Апыхтин беспомощно посмотрел на жену.

– Ты сегодня и так, по-моему, перенапрягся, – рассмеялась Катя. – Пожалей себя.

– Да ладно уж. – Апыхтин привлек к себе Катю, обнял мимолетно и встал.

В это время зазвонил телефон.

– Опять, наверно, Басаргин. Будешь говорить?

– Буду, – решительно сказал Апыхтин и прошел в комнату, откуда продолжали нестись звонки. – Да! – сказал он, подняв трубку. В его голосе явственно звучала властность, готовность говорить, но сквозило и недовольство, совсем немного, такое обычно бывает у большого начальника при разговоре с подчиненным. Не потому, что он и в самом деле чем-то недоволен, вовсе нет, просто эта вот еле заметная нотка сразу проясняла, высвечивала, кто из них главнее, кто руководитель, а кто маленько пониже.

Вовка благоразумно убрал звук в телевизоре, сам Апыхтин упал в кресло и, отвернувшись ото всех, глядя только в залитое утренним солнцем окно, продолжал разговор. Постепенно нотка недовольства исчезла, поскольку звонил вовсе не Басаргин, а другой его заместитель, Осецкий, и звонил по делу, которое Апыхтину было интересно. Теперь его начальственное положение определялось краткостью, немногословностью реплик.

– Да, – говорил он отрывисто. – Понял. И что же из этого следует? Ни в коем случае! Ну? Ну? Ну?

Конечно же, каждый понимает, что нужно очень остро чувствовать свое служебное превосходство, чтобы три раза подряд произнести в трубку довольно бесцеремонное словечко «Ну?», причем вопросительно произнести, тем самым требуя от собеседника пояснений, уточнений, новых подробностей.

Это происходило почти каждое утро – работа начиналась с телефонных звонков. Апыхтин не возражал, ему даже нравилось начинать день вот так – в халате, в кресле, закинув ногу на ногу, ощущая в себе нерастраченные еще за день силы, наслаждаясь быстрым обдумыванием на лету всего, что сообщает прямо с утра его свита – свита председателя правления банка. Он видел, что соображает быстрее тех, с кем разговаривал, глубже и острее понимает возникающие сложности, сразу, буквально сразу находит решение правильное, грамотное, а когда требуется, то и достаточно жесткое.

Эта уверенность давала ему спокойствие – нет у него соперников, нечем его заменить в банке, нет человека, который бы мог потеснить его, сбросить с кресла. И борода, и рост, и вполне приличная полноватость – все работало на Апыхтина, и он это прекрасно создавал. Даже утренние звонки, которые вроде бы нарушали домашний покой, ему нравились – верные люди торопились доложить обо всем, что случилось за ночь, что могло случиться за день.

– Гони его в шею! – сказал Апыхтин, выводя разговор на финишную прямую.

– Уже, – ответил Осецкий.

– Молодец. Что Кандауров?

– Возникал.

– Что-то зачастил.

– Я тоже обратил на это внимание.

– Обнищал?

– Скорее оборзел.

Такой разговор нравился Апыхтину. Любое его слово, предположение, сомнение подхватывалось, развивалось, его настроение прочитывалось мгновенно, его желания угадывали по самым кратким замечаниям и не оспаривали. Кто-то мог бы в этом заподозрить подхалимаж, но его не было – Апыхтин и его замы были единомышленниками, споры между ними возникали чрезвычайно редко, поскольку за день они встречались много раз и утряска мнений происходила постоянно.

Собственно, эти четверо были учредителями банка и ни у кого из них не возникало надобности всерьез разыгрывать из себя начальника и подчиненных. Это была лишь своеобразная игра, больше рассчитанная на посетителей, на клиентов – есть, дескать, председатель, он все решает, и, может быть, если повезет, удастся к нему попасть, тогда я, конечно, подниму ваш вопрос, уважаемый Иван Иванович, и сделаю для вас все, что смогу.

Что касается Кандаурова, то эта фамилия частенько мелькала в разговорах Апыхтина со своими заместителями – местный авторитет взял банк «Феникс» под опеку и вот уже несколько лет сносно справлялся со своими обязанностями, отбивая нечастые, но свирепые атаки других банд, которые тоже хотели бы защищать банк от всевозможных жизненных неприятностей. Порой доходило до серьезных стычек, случались разборки, перестрелки, были и трупы. Апыхтин знал обо всем этом, прекрасно знал, но говорить на эту тему избегал. Кандауров сам навязался – ему и вертеться. Но в последнее время тот стал каким-то уж слишком навязчивым – приезжал в банк когда ему заблагорассудится и, по-блатному играя плечами, шел к председателю.

– Привет, красавица! – бросал он секретарше и входил в кабинет. Независимо от того, кто там находился в это время.

Апыхтин как-то решил с ним поговорить. Он позвонил Кандаурову и сказал:

– Жду тебя сегодня в двенадцать.

И положил трубку.

Кандауров пришел в двенадцать. Первую дверь он открыл на себя, вторую толкнул ногой. – Садись, Костя, – сказал Апыхтин, показывая на стул у приставного столика. – Разговор есть.

– Слушаю, начальник. – Кандауров сел, отодвинув стул подальше от столика, чтобы можно было закинуть ногу на ногу, поддернул брючки, достал сигареты, закурил. – Говори, начальник... Когда ты позвонил утром, меня прямо любопытство разобрало – неужели, думаю, премия набежала за хорошую работу? – Он затаился и струю дыма пустил в Апыхтина. Облачко до того не дошло, осторожно все-таки выдохнул Кандауров, но от Апыхтина не ускользнуло, что гость выдохнул дым в его сторону.

Кандауров был откровенно тощеват, поэтому все одежды на нем висели свободно, легко, с воздухом. Одевался он щеголевато – клетчатый пиджак, черные брюки, белая рубашка, блестящие туфли на тонкой кожаной подошве. А вот галстуки, галстуки он постоянно высматривал на телевизионных дикторах, на артистах, президентах и старался не отставать. Правда, сероватый цвет лица выдавал человека, который долгое время находился в весьма суровых условиях, годами дышал тяжелым спертым воздухом и мало видел солнца.

– Я не люблю, когда дверь в мой кабинет открывают ногой, – сказал Апыхтин. – Это моя контора. И если ты пришел ко мне, води себя пристойно. Или не приходи вовсе.

– Извини, начальник, – осклабился Кандауров, показав темноватые зубы с просветами. – Сам знаешь, жизнь у меня протекала не в светских салонах.

– В следующий раз я вызову уборщицу, она даст тебе швабру, и будешь протирать там, где наследил, – холодно заметил Апыхтин. Он не боялся Кандаурова, он платил ему деньги и мог позволить себе говорить так, как считал нужным.

– Даже так? – От удивления Кандауров откинулся на спинку стула.

– И еще мне не нравится, когда некоторые гости пускают мне дым в лицо.

– Это я, что ли?

– И еще мне не нравится, когда по коридорам моей конторы приклатненные личности шагают без дела.

– И опять я?

– Чего по банку шатаешься?

– А почему бы нет?

– Клиентов распугиваешь. И наши с тобой доходы от этого могут слегка уменьшиться.

– Я в тебя верю, Володя. – Кандауров поспешно загасил сигарету в пепельнице. – Ты этого не допустишь.

– Костя, – примирительно сказал Апыхтин, – ты ведь все получаешь, о чем мы договорились?

– Не мешало бы добавить, Володя!

– Об этом мы поговорим, когда закончится финансовый год. Как и договаривались. И мой тебе совет... Если хочешь, назови это просьбой... Не светись без толку. И меня не засвечивай. Плохо это, Костя. Неграмотно.

– Признаю, начальник. Виноват. – Кандауров склонил голову и прижал ладонь к груди. – Исправлюсь. Только это, Володя... Не надо со мной так круто, я такой невыдержанный, такой психованный... Соображать начинаю на следующий день после того, как что-то натворю... Я это... Как там у вас, у порядочных, называется... Ранимый. Раны в душе остаются. В непогоду болят, напоминают о себе... Болят мои раны, болят мои раны, болят мои раны глыбоко, – пропел Кандауров. – Знаешь такую песню?

– Выпьешь? – спросил Апыхтин.

– Володя... Ты обалденный человек. Я тебя люблю.

– Я тоже, Костя, люблю тебя, – усмехнулся Апыхтин и, достав из стола початую бутылку коньяка, два стакана, тут же наполнил их до половины. После этого вынул конфетку, разломил пополам. – За любовь! – сказал он, поднимая свой стакан.

– И за верность, – многозначительно добавил Кандауров, прищурившись. – Любовь без верности немного стоит.

– Как и верность без любви... – Апыхтин выпил до дна, сунул в рот половинку конфетки и спрятал бутылку в стол. – Будь здоров, Костя. Телефоны знаешь, звони.

Такой вот разговор состоялся у Апыхтина с Кандауровым некоторое время назад, и с тех пор в их отношениях наступила мирная пауза – Кандауров вел себя предупредительно, в банке не появлялся, без надобности не звонил, и даже машину его уже не замечали на ближайших улицах.

Но продолжение у этого разговора все-таки было – примерно через неделю Кандауров позвонил Апыхтину домой, причем в довольно-таки необычное время, поздним вечером позвонил, в двенадцатом часу.

– Володя, у тебя есть враги? – спросил Кандауров без обычных многословных приветствий.

– Нет, только друзья, – ответил Апыхтин не задумываясь. – И ты, Костя, первый из них.

– У тебя есть враги, Володя.

– Кто же это, поделись! – шутя воскликнул Апыхтин, полагая, что Кандауров после этих слов начнет намекать на прибавку к жалованью.

– Не знаю, Володя. Но твой веселый тон говорит о том, что и ты не знаешь. Но они есть, Володя. И это серьезные ребята. Слушок такой прошел по нашим уголовным коридорам. Мне бы не хотелось, чтобы с тобой случилось что-нибудь неприятное. Береги себя, Володя.

– И ты не можешь мне в этом помочь?

– Вот помогаю. Как могу. Знаешь, странная такая, неуловимая информация... Не то что-то есть, не то нет... Но мой нюх, зэковский, лагерный, называй его как хочешь... Он редко меня подводит.

– Но все-таки подводит?

– Не надо на это надеяться... Знаешь, почему я к тебе проникся? Нет, не из-за денег, которые ты мне время от времени даешь... Неделю назад я понял, что ты ничего так мужичок, ничего... Сначала выволочку сделал, потом коньяком угостил. Если бы ты только мне налил, я бы его тебе в лицо выплеснул. Но ты все правильно сделал... И я понял – наш человек. У тебя двери в квартире стальные?

– Стальные.

– Это хорошо. – Голос Кандаурова сделался каким-то усталым. – А этаж какой?

– Седьмой.

– Над тобой есть этажи?

– Еще пять.

– Это хорошо, – повторил Кандауров. – Спокойной ночи, Володя, извини за поздний звонок.

И этот вот разговор припомнился Апыхтину, когда утром, в запахнутом халате на голое тело, он сидел в кресле и разговаривал со своими заместителями. Будь Апыхтин опытнее в уголовных делах, пообщайся он побольше с авторитетами, то, возможно, иначе отнесся бы к ночному предупреждению Кандаурова. Он мог бы насторожиться, будь у него жизнь другой, не столь удачливой. Но везло ему, во всем везло. И банк работал, наполнялся деньгами, а сколько их сгорело, этих банков, сколько сгинуло вместе со своими председателями и заместителями! И женщина, в которую влюбился, стала его женой, и сын родился, именно сын, а не дочь – ему хотелось, чтобы Апыхтины продолжали свое победное шествие по земле. И со здоровьем у него все было в порядке, из всех лекарств он знал только анальгин да аспирин.

Нельзя сказать, что Апыхтин полностью пренебрег словами Кандаурова, вовсе нет. Он вызвал к себе начальника охраны банка, бывшего милицейского майора Пакина, и строго поговорил с ним – тот немедленно дал нагоняй автоматчикам у входа и на этажах. Предупредил Катю, чтобы без телохранителя из дома не выходила и чтобы Вовку куда попало не отпускала. На всякий случай своему водителю выхлопотал пистолет Макарова и положил в бардачок «Мерседеса».

* * *

В половине десятого утра снизу, из «Мерседеса», позвонил водитель. Апыхтин к тому времени уже был готов – в костюме, белой рубашке, при галстукке, с тонким чемоданчиком. Катя проводила его до дверей, Апыхтин обнял ее, всерьез обнял. И поцеловал тоже всерьез.

– Слушай, Апыхтин! – воскликнула Катя, отстраняясь. – Я чувствую, что ты не хочешь идти сегодня на работу?

– А как ты догадалась? – Апыхтин еще не потерял способность краснеть, но в полумраке не было заметно его пылающих щек.

– Я бы сказала, но мне неловко... По-моему, ты готов немедленно вернуться в спальню, а?

– Как ты права, как права... – Апыхтин виновато склонил голову.

– Ничего, скоро Кипр, – усмехнулась Катя. – Наверстаем.

– Одна надежда на Кипр... – И Апыхтин вышел на площадку.

Чуть помедлив, Катя дождалась, когда он обернется, подмигнула, махнула прощально рукой и лишь после этого закрыла дверь. Стальную, бронированную дверь, которую Апыхтин неохотно, но поставил полгода назад – его заместители установили себе такие двери еще раньше.

Свежевымытый «Мерседес» цвета мокрого асфальта стоял, посверкивая на солнце еще не высохшими каплями влаги. Затемненные стекла были протерты, хромированные накладки сияли празднично и почти торжественно. Распахнув дверцу, Апыхтин упал на мягкое сиденье рядом с водителем и, откинувшись на спинку, закрыл глаза.

– Привет, Гена, – сказал он, улыбаясь в бороду – он до сих пор ощущал на губах Катин поцелуй. – Что хорошего в большой жизни?

– Здравствуйте, Владимир Николаевич... А новости... На Филиппинах вулкан ожил, огнем дышит... В Колумбии землетрясение... На Камчатке пожары. – Последние слова водитель произнес, уже влившись в поток машин на залитой солнцем улице.

– Ну ты даешь, Гена! Никогда от тебя не услышишь ничего радостного. Где ты набираешься этих катастрофических новостей?

– Места надо знать, Владимир Николаевич. – Гена искоса глянул на Апыхтина, усмехнулся. – А что нового на финансовом фронте? От рублей не пора избавляться?

– Скажу, когда надо будет.

– Как бы не промахнуться, а?

– Предупрежу.

Такие разговоры происходили у них каждое утро, и каждое утро Апыхтин неизменно успокаивал водителя, обещая ему в случае чрезвычайных финансовых потрясений спасти его десять или двадцать тысяч. Гена в прошлом был боксер, неплохой боксер, до чемпиона города поднимался, а теперь по совместительству являлся и водителем, и телохранителем. Формы не потерял, оставался сухим, жилистым, носил, как и прежде, короткую прическу, закатывал рукава рубашки, и каждый желающий мог видеть его сильные, тренированные, загорелые руки. На водительском месте он чувствовал себя свободно, ему явно было просторно в этом кресле. Искоса поглядывая на него, Апыхтин завидовал парню, его плоскому животу, легким движениям. Но он уже сжился со своим весом, объемом и полагал, что менять что-либо поздно.

Да и в азарте постоянных банковских схваток вес не имел большого значения. Катя любила его и таким, а остальные стерпят, улыбочиво думал Апыхтин.

Знал Апыхтин, что монументальность его производит впечатление, даже секретарша и та встречала стоя, вскакивая со стула, едва он появлялся в дверях, хотя уж такой была суровой и неприступной особой, что посетители, кажется, побаивались ее больше, нежели председателя правления.

– Здравствуйте, Алла Петровна! – громогласно приветствовал ее Апыхтин.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич.

– Что хорошего в жизни?

– Все хорошо, Владимир Николаевич. Все хорошо.

– Теплится, значит, жизнь? – Апыхтин на секунду задержался, чтобы услышать ответ.

– Теплится, Владимир Иванович... А как же!

– Это прекрасно!

Увидев, что дверь за Апыхтиным закрылась, Алла Петровна облегченно вздохнула и только тогда опустилась на стул. Как ни общителен был председатель, как ни благожелателен, а людей напрягал: в самых простых его словах многие искали подвох и, конечно, находили, даже когда он произносил нечто совершенно невинное.

Апыхтин любил свой кабинет – большой, просторный, пустоватый, с высокими потолками и двумя громадными окнами, выходящими на городскую площадь. Одна стена была отделана под дуб, за панелями было замаскировано небольшое помещение, в котором располагались вешалка, сейф, бар, телевизор с большим экраном, откидывающийся стол, за которым можно было хорошо посидеть с уважаемым посетителем. На стенах кабинета висели картины, написанные маслом, правда, содержание их было довольно смутным, невнятным было содержание, но Апыхтину они нравились яркостью красок, смелостью мазков и, опять же, непонятностью. Он купил их на какой-то выставке, где организаторы насели на него так плотно, что он был просто вынужден приобрести их, чтобы помочь молодому, но, как его заверили, очень талантливому художнику. Нового человека картины сбивали с толку, и это тоже нравилось Апыхтину – сидя перед ним, клиент беспомощно вертел головой, чтобы понять хоть что-нибудь в этих красочных полотнах.

– Прекрасные работы, не правда ли? – весело и напористо спрашивал Апыхтин.

– Да, действительно... Конечно... Что-то в них есть... Это, наверное, пейзажи?

– Порнуха! – хохотал Апыхтин, окончательно добывая незадачливого ценителя живописи.

– Да-а-а? – оседал тот на стуле.

– Взгляд изнутри! – куражился Апыхтин.

– Как же художник проник...

– А он и не проникал! Творческое воплощение анатомических атласов! И богатое, но испорченное воображение!

Перед приходом Апыхтина Алла Петровна распахнула окна, отбросила в стороны шторы, и в кабинет свободно втекал свежий утренний воздух. Апыхтин опустился в мягкое кожаное кресло, положил руки на стол и замер на какое-то время. И тут же, словно вспомнив о чем-то главном, о чем мог и забыть, быстро набрал номер.

– Катя? Ты меня узнаешь?

– А ты кто? – По голосу он чувствовал, что жена улыбается, и ему радостно было представлять себе ее улыбку.

– Я вот о чем подумал... Надо бы нам, прежде чем отправиться в бухту Афродиты, все-таки заскочить на Троодос... Там монахи местного монастыря обалденные столы накрывают...

– Да, лучше начать с Троодоса, – согласилась Катя.

– А в Иерусалим и к египетским пирамидам мы в конце сможем, там паром ходит... Прямо из Лимасола и рванем, не возражаешь?

– На обед котлеты с тушеной капустой. Не возражаешь?

– Знаешь, я сейчас и подъеду! Гори он синим огнем, этот банк, заседания, совещания...

– Вовка засел за изучение карты Кипра.

– Это хорошо.

– К двум часам все будет готово.

– Пока. Целую.

Апыхтин положил трубку – в кабинет уже входили его заместители: Басаргин, Цыкин и Осецкий. Рядом с ним они казались почти одинаковыми – мелковатыми, даже какими-то незначительными. Но это мог заметить только новый, посторонний человек, друг с другом все четверо вели себя одинаково легко и раскованно, как люди, давно знакомые и связанные общим делом.

Если все-таки попытаться найти различия между ними, то можно сказать, что Осецкий был порывист и нетерпелив. Цыкин больше молчал, улыбался и на общих сборищах в кабинете Апыхтина всегда находил себе какое-нибудь развлечение – газетой шуршал, листал календарь с красотками, знакомился с устройством ручки или же, воспользовавшись тем, что все отвлеклись, успевал куда-то позвонить.

А вот Басаргин был подчеркнуто деловит, задавал умные вопросы, внимательно выслушивал всех, склонив голову набок и сдвинув к переносице тощеватые свои бровки.

Все они чувствовали себя банкирами и в самом деле были банкирами, а потому одевались изысканно и дорого. Но опыта носить хорошие вещи у них не было. Частенько новые костюмы оказывались какими-то бестолковыми: то маловаты, то великоваты, да и туфли не сразу удавалось купить те, что нужно, – то вишневые притащат в дом, то подошва неприлично толста. Неожиданно разбогатев, они мучительно продирались к своему образу, к своей одежде, к той жизни, которая была бы для них естественной и необременительной.

– Что ты сегодня с утра о кредите молот? – спросил Апыхтин у Басаргина.

– Никаких кредитов! Все понял, осознал, проникся! – Басаргин дурашливо вытянулся, прижав руки к бокам.

– Смотри, а то можем поговорить...

– Ни в коем случае! Я навел справки... Там глухо, Володя, там совершенно глухо.

– Что и требовалось доказать, – отозвался Апыхтин, но что-то царапнуло, что-то не понравилось ему в ответе Басаргина – уж слишком охотно тот отрекся от своего же предложения, слишком быстро и охотно. Так бывает, когда сам заранее знаешь слабые места своей позиции, но надеешься – авось проскочит, авось удастся. Предлагаешь, но готов тут же, немедленно отречься, отшатнуться при малейшем сопротивлении.

Через неделю Апыхтин уезжал в отпуск, и ему предстояло кого-то назначить вместо себя. Он заранее решил, что замещать оставит Басаргина. Тому это понравится, он расцветет, станет деловым, неустанным и вездесущим. Но когда Басаргин предложил явно рисковую, да что там рисковую, просто безнадёжную идею с кредитом, Апыхтин засомневался. Однако знал – стоит ему назвать кого-нибудь другого, возникнет обида. И решил не предлагать никого, пусть сами выбирают, он лишь согласится и уедет с легким сердцем. А они без него могут обижаться друг на дружку сколько хватит сил.

– Кто останется вместо меня? – спросил он громко, прерывая какой-то вспыхнувший спор.

– Как скажешь, Володя, – быстрее всех ответил Осецкий.

– Не слышу предложений, – с преувеличенной серьезностью проговорил Апыхтин. – Вам тут работать, решайте.

Осецкий растерянно вертел головой, переводя взгляд с одного на другого, Басаргин напряженно молчал, ожидая, что кто-то назовет его, Цыкин молча улыбался, похоже, наслаждаясь этим странным затруднением. Апыхтин не торопил, у него была возможность потянуть время – он переложил бумаги с места на место, вчитался в какой-то документ, что-то поправил в тексте и лишь после этого поднял голову. Возникшее вдруг в кабинете напряжение говорило о том, что не так все просто в их отношениях, не так все легко и очевидно.

Первым не выдержал, сорвался Осецкий:

– Пусть Басаргин покомандует! Ему давно не терпится!

– Почему я? – спросил Басаргин, и все опустили глаза – настолько искренним был его голос. Невольно, сам того не желая, Осецкий нажал на болезненную точку первого зама.

– Есть возражения? – спросил Апыхтин.

– Нет возражений, – ответил Цыкин, рассматривая диковинную настольную зажигалку, подаренную каким-то клиентом.

– Есть самоотвод? – спросил Апыхтин, куражась, уже топчась по самолюбию Басаргина, потому что знал, наверняка знал, что не найдется у того сил отказаться от предложения.

– Если дело за самоотводом... – начал было Басаргин и замолчал, не зная, как закончить, как половчее завершить собственную мысль.

Апыхтин молча кивнул, дескать, продолжай, дескать, готовы внимательно выслушать тебя, дорогой ты наш соратник. Но на помощь не пришел, хотя видел, какая мучительная борьба происходит в тщеславной душе Басаргина. И Цыкин настороженно поднял голову, и Осецкий, осознав происходящее, улыбался широко и злорадно.

– Говори, Андрей, – подбодрил его Апыхтин.

– Да ну вас в самом деле! – возмутился Басаргин. – Устроили испытание, понимаешь! Заранее обо всем договорились, а теперь голову морочите!

– Значит, заметано, – подвел итог Апыхтин с явным облегчением – самое щекотливое дело перед отпуском сделано, и никто не упрекнет его в предвзятости, несправедливости или еще в каких-то там грехах. – Тогда по коням.

– Когда банкет по случаю отъезда? – спросил Басаргин, справившись наконец с неловкостью.

– Как скажешь, – усмехнулся Апыхтин. – Ты теперь шеф.

– Хорошо, я подумаю, – серьезно кивнул Басаргин, решив, что ему действительно необходимо решить этот вопрос. – Хотя постой, – спохватился он и покраснел. – Я же приступаю к исполнению после твоего отъезда... Я не могу брать на себя...

– Вот и я о том же! – рассмеялся Апыхтин.

Хохочущие заместители ушли, кабинет опустел, Апыхтин уже хотел было позвонить домой, спросить, как продвигаются дела с котлетами, но вошла секретарша.

– Я, конечно, извиняюсь, – сказала она, остановившись у порога, но дверь при этом закрыла плотно, так что в приемной не было слышно ни одного ее слова. – Там посетитель... Неделю уже ходит... Поэт.

– Чего ему?

– Денег.

– Хороший поэт?

– Хороший поэт денег просить не станет. В лучшем случае согласится взять, если ему очень уж настойчиво и долго предлагать. Мне так кажется, – смягчила секретарша свои суровые слова.

– Тоже верно. – Апыхтин качнул головой. – И много ему нужно денег?

– Долларов пятьсот-шестьсот... Где-то около этого.

– Судя по сумме... Он тоже на Кипр собрался?

– Хочет книжку издать... Хотя бы, говорит, экземпляров триста-четыреста.

– И сколько лет этому юному дарованию?

– На пенсии уже дарование. – Алла Петровна позволила себе тонко улыбнуться. – Член Союза писателей, между прочим.

Апыхтин помолчал, глядя в раскрытое окно и вдыхая свежий воздух. Он был уже достаточно опытным банкиром, если не сказать, прожженным, и за невинной просьбой престарелого поэта сразу увидел те возможности, которые открывали перед банком эти несчастные пятьсот долларов. Тираж можно дать и побольше, где-нибудь ближе к тысяче экземпляров, на задней обложке, конечно, будет реклама банка «Феникс», его телефоны, приглашение к сотрудничеству, книжка ляжет на столы директоров всех предприятий области, сам поэт выступит по телевидению, прочтет стихи, расскажет о той громадной работе, которую проводит «Феникс», поддерживая литературу, искусство, живопись. Апыхтин даст по этому поводу большое интервью, откликнутся газеты, он и для них найдет время, чтобы рассказать о банке и о тех преимуществах, которые доступны каждому, кто доверится «Фениксу», кто поверит в него. А там, глядишь, дойдет дело и до выставок, спектаклей, концертов... И везде банк «Феникс», его деньги, его люди, его готовность поддержать все разумное, доброе, вечное...

– Зови его, Алла, – сказал Апыхтин, стряхнув с себя задумчивость. – Поговорим.

Через минуту в дверь протиснулся мужичонка в заношенном костюме и с целлофановым пакетом в руке. Он остановился у самой двери, не решаясь даже закрыть ее за собой – на случай, если сразу получит от ворот поворот.

– Проходите, пожалуйста! – Апыхтин поднялся и широким жестом, для которого едва хватило пространства кабинета, показал вошедшему на место у низкого журнального столика. Он сам покинул свое высокое кресло, в котором возвышался над кабинетом, и великодушно сел с просителем на равных, в стороне от председательского полукруглого стола. Эта самая его полукруглость да еще то обстоятельство, что на столе не было ни единой бумажки, ни одного, самого завалящего, документа, всегда почему-то подавляли людей незначительных, случайных, пришедших не предлагать, а просить.

Апыхтин опустил в низкое кресло, откинувшись на спинку так, что оказался почти в полулежачем положении. Поэт же осмелился присесть лишь на самый краешек кресла. Свой затертый белесый пакет он положил на колени, сделал судорожное глотательное движение горлом и затравленно посмотрел на Апыхтина, не решаясь произнести ни слова.

– Да вы садитесь удобнее, – сказал Апыхтин. – Поговорим, посудачим. У вас как со временем? Найдется минут пятнадцать-двадцать?

Для мужичка это предложение было столь диким, столь неожиданным, что он опять, не произнеся ни слова, лишь как-то глотательно кивнул.

– Конечно, – наконец выдал из себя. – Найдется.

– Вот и отлично! – обрадованно сказал Апыхтин. Он прекрасно создавал, какое впечатление производят подкрепленные должностью его полноватость, темный костюм, опять же, борода. – Чай? Кофе? Или, может быть, коньячку?

– Чай, если можно, – выдал из себя поэт, но успел, успел в доли секунды заметить Апыхтин мимолетную искорку в его глазах и твердо, безошибочно понял, что счастлив был бы тот глоточку коньячку, не чай ему был нужен, не кофе. Но Апыхтин продолжал умело и ловко лепить ту легенду, тот образ, тот рассказ, который, как он был уверен, много раз прозвучит и со страниц газет, и с экрана телевизора, когда он же, Апыхтин, попросит директора студии дать пять минут поэту, когда попросит редактора газеты дать поэту четвертушку полосы и тот захлеб, искренне и благодарно сотню раз вспомнит и эту рюмку коньяку, и надежный банк «Феникс», и щедрого, великодушного его председателя, мецената, спонсора и дарителя.

– А может, по глоточку? – Апыхтин показал пальцами расстояние, равное примерно ста граммам в стандартном стакане.

– Ну, знаете, если уж это самое... То оно, конечно... Может, вроде того что и неплохо бы... – Поэт смотрел на Апыхтина почти с ужасом – не хватил ли чересчур.

– Вот это здорово, это по-нашему! – Апыхтин нажал неприметную кнопчку, и в дверях тут же возникла Алла Петровна. – Аллочка, нам, пожалуйста, коньяк, кофе... Ну и сама чего-нибудь придумай.

Не произнеся ни звука, Алла Петровна исчезла, как бы испарилась, будто и не было ее вовсе.

– Итак, вас зовут... – Апыхтин замолчал.

– Серафим Иванович. С вашего позволения.

– А фамилия?

– Чувьюров. Чувьюров моя фамилия.

– Слышал, – соврал Апыхтин совершенно спокойно. – Знаю ваши стихи. Ведь вы член Союза писателей?

– Да уж лет двадцать! Семь книг вышло... Но, знаете, все при советской власти. С переменами в общественной жизни книжки... Приказали долго жить.

– Книжки кончились, но дух-то остался?! – гневно воскликнул Апыхтин.

– Не поверите... Пишется... Как в молодые годы! Да что там юность, молодость, зрелость... Лучше пишется – сильнее, безогляднее.

Апыхтин не ответил – в кабинет вошла Алла Петровна и внесла на подносе две чашечки растворимого кофе, лимонные кружочки, посыпанные сахаром, коньяк. По острому взгляду, который поэт бросил на бутылку, Апыхтин понял, что тот оценил и качество коньяка, и то, что бутылка открыта всего минуту назад, и то, что тонкие стаканы на подносе достаточно емкие, в них наверняка войдет граммов по сто пятьдесят. Еще не выпив ни глотка, не вдохнув запаха коньяка, Чувьюров вроде как слегка захмелел.

– Представляете, две книги были набраны в Москве, в разных издательствах! Две книги! Итог жизни! И оба набора рассыпали. Невыгодно, говорят. Пишите, говорят, детективы!

– Значит, надо писать детективы! – подхватил Апыхтин, щедро наливая коньяк в стаканы. Знал искуситель, твердо знал, что и об этом сложатся легенды, и о глотке коньяка будут стихи в его честь.

– Детективы – особая статья, – печально заметил поэт, поднимая свой стакан. – Изобретательный ум, взгляд на жизнь... Как бы это выразиться...

– Не столь трепетный? – уважительно спросил Апыхтин, и это был его первый выпад, неосторожный, незапланированный. – Выпьем, – сказал он, уходя в тень, не настаивая на своем вопросе, а даже как бы о нем и позабыв.

Поэт выпил до дна, замер на какое-то время, прислушался к себе и, словно убедившись, что все получилось так, как и задумывалось, с облегчением поставил стакан на столик.

– Да, можно и так сказать, – проговорил он уже твердо, даже с некоторым вызовом, видимо, коньяк придал ему уверенности в том, что живет он достойно и по совести. – Не столь трепетный. Это вы правильно извоили заметить. – В его словах зазвучали нотки горделивой церемонности.

– Итак – деньги? – Апыхтин безжалостно оборвал поэта, уже готового излиться чувствами, мыслями, а то и стихами.

– Да, Владимир Николаевич, да... С сожалением приходится признать, что мы пришли к тому времени, когда все упирается в деньги.

– Для этого не надо было никуда идти, – жестко заметил Апыхтин – поэт ему надоел, а кроме того, легкий, почти неуловимый выпад Чувьюрова почему-то его задел, он почувствовал, что старикашка, сидящий перед ним, бывает другим – горделивым, обидчивым, под хмельком даже готовым оскорбить человека, который отнесется к нему недостаточно уважительно. – Для

этого не надо было никуда идти, – повторил Апыхтин. – Всегда и все рано или поздно упиралось в деньги. Разве вы этого не знали раньше?

– Как-то о другом были мысли, – ответил поэт, и эти слова тоже не понравились Апыхтину – в них прозвучала почти неуловимая нотка превосходства. Дескать, вы о деньгах, а мы внизу-то о духовном помышляем, может быть, даже о возвышенном.

– Главное, чтобы были мысли-то! – рассмеялся Апыхтин, осаживая поэта. – О чем пишете, Серафим Иванович?

– Как вам сказать... – Коньяк разбирали старикашку все сильнее, и теперь у него уже пошли жесты – этак раздумчиво он раскрыл мятую, как у обезьянки, ладошку и отвел ее в сторону. – Знаете ли, поэтическое восприятие жизни, художественное осмысление происходящего, объяснение в любви к этому прекрасному миру... – Поэт развел в стороны обе ладошки, как бы показывая Апыхтину тот мир, о котором он пишет с любовью, может быть, даже с восторгом, мир, ему, банкиру, недоступный.

– Это здорово! – искренне воскликнул Апыхтин. – Президента в стихах не материте?

– Упаси боже! – в ужасе отшатнулся Чувьуров на спинку кресла.

– Коммунистов к власти не призываете?

– А что их призывать... Они себя показали, – ушел от ответа Чувьуров, ловко ушел, не смог не отметить Апыхтин. Но хватку не ослабил и задал уточняющий вопрос:

– Значит, не призываете?

– Нет, – твердо ответил поэт. – И могу ответственно повторить – нет! – При последнем слове он осторожно покосился на свой целлофановый пакет, как понял Апыхтин, собираясь в удобный момент изъять те стихи, в которых он благосклонно пишет о прежних временах. А как он может о них писать неблагосклонно, если у него семь книг вышло в Москве, если его в Союз писателей приняли, если ему наверняка квартиру дали, в делегации разные включали – в Болгарию, Румынию, может быть, даже Корею...

– Отлично! – одобрил Апыхтин и положил большую свою, красивую, ухоженную руку банкира на целлофановый пакет. – Поможем. Стихи оставляйте. Хочу с ними ознакомиться.

– Может быть, я их еще раз просмотрю, отберу наиболее удачные, сильные... – неуверенно заговорил поэт, придерживая пакет.

– Нет! – твердо сказал Апыхтин и с силой выдернул пакет из-под ладошки поэта. – Я сам отберу, если в этом будет надобность. Повторяю, банк готов помочь издать книгу. Но мы надеемся, что и с вашей стороны к «Фениксу» будет отношение уважительное и доброжелательное.

– Господи! – простонал старикашка, прижав ладошки к груди. – Да я... Вы меня еще не знаете...

– Организуем презентацию вашей книги на радио, телевидении, в газетах... И надеемся, что каждый раз вы будете находить в себе несколько трепетных слов о банке «Феникс»! – Апыхтин говорил жестко и холодно, чувствуя, что, если он вернется к прежнему тону, старикашка просто разрыдается.

– Господи, – опять простонал Чувьуров, – да я...

– Сделаем! – сказал Апыхтин, стараясь не видеть взгляда старикашки, устремленного на бутылку коньяка. Тот не возражал бы повторить, ох, не возражал бы, но у Апыхтина еще весь день был впереди, и он не мог себе позволить расслабиться с самого утра.

– Вы даже не спрашиваете, сколько это будет стоить...

– Для настоящей поэзии, для литературы, искусства у банка «Феникс» всегда найдутся деньги! – веско сказал Апыхтин и встал во весь свой немалый рост, возвышаясь над вскочившим следом поэтом своей массой, бородой, голосом. – Столько найдется, сколько нужно.

– Боже!

– Встречаемся через месяц. Я уезжаю в отпуск, приходите в сентябре, и мы решим все технические вопросы.

– Я могу переговорить с типографией, с художником?

– Можете. Дешевенькую поделку выпускать не будем. Книга должна выглядеть достойно, ее выход прозвучит в культурной жизни города, станет событием! – Апыхтина понесло, но он и не сдерживал себя, поскольку говорил искренне.

– Может быть, я добавлю немного стихов, – предложил поэт. – Уж если вы говорите, что книга может быть событием...

– Все технические вопросы в сентябре. – Апыхтин взял поэта под локоть и с чрезвычайной уважительностью повел к двери. – До скорой встречи, Серафим Иванович! Жду вас! – Апыхтин напоследок еще успел шаловливо погрозить поэту пальцем, дескать, не подведи! И тут же, плотно закрыв за ним дверь, вернулся к столу, где уже звонил телефон.

* * *

Вот и все.

На этом счастливая жизнь преуспевающего красавца банкира Владимира Николаевича Апыхтина, можно сказать, и закончилась. Началась другая – пьяная, полная лишений, смертельного риска и крови. Да, всего этого выпало на его долю более чем достаточно.

Так бывает, происходит какое-то событие, неожиданная встреча, да что там встреча – слово, взгляд, жест могут настолько все перемешать и испоганить, что невольно начинаешь делить свою жизнь на ту, которая была до, и ту, которая началась после.

У Апыхтина этим событием стал телефонный звонок, когда он, выпроводив захмелевшего от недоедания поэта, вернулся к своему столу, на котором настойчиво дребезжал-ворковал телефон самого настоящего японского производства.

– Да! – сказал Апыхтин, поднимая трубку, весело сказал, напористо, готовый ответить на любой вопрос, решить любую задачу, ввязаться в любое дело, которое было бы по плечу ему самому, его банку, его друзьям, которым он так доверял, которых так любил.

– Владимир Николаевич? – спросил незнакомый мужской голос, и первыми же его звуками всю беззаботность Апыхтина как рукой сняло, не осталось в нем ни игры, ни шалости. Голос был служебный, по цвету серый и какой-то неживой – все эти оттенки Апыхтин узнавал сразу.

– Да, – ответил он и ничего больше не добавил, хотя обычно сыпал прибаутками вроде «я вас внимательно слушаю», «давно ждем вашего звонка», «банк „Феникс“ на проводе» и так далее.

– Говорит капитан Юферев.

– Очень приятно, – настороженно произнес Апыхтин. – Слушаю вас.

– Звоню из вашей квартиры.

– Так, – Апыхтин с трудом осознавал услышанное. – Вы хотите сказать... Что-то случилось?

– Да, – голос капитана был все так же сер и мертв.

Апыхтин почувствовал, что не может стоять, и, обойдя вокруг стола, сел в мягкое глубокое кресло, сел как упал, как опрокинулся навзничь.

– Что-то печальное? – спросил он.

– Да.

– Совсем печальное?

– Да, – сказал капитан.

– Вы сказали, что звоните из моей квартиры? – Если бы Апыхтин слышал сейчас самого себя, то ни за что не узнал бы своего голоса. – Как вы туда попали? Вас Катя вызвала? – Апыхтин невольно задал вопрос, который еще таил в себе надежду на то, что все не так плохо, как показалось ему с самого начала.

- Дверь была открыта, и я вошел... С сотрудниками.
- А почему вы решили...
- Дверь была открыта... Нас соседка вызвала. Вы можете подъехать?
- Буду через десять минут.
- Жду вас, – сказал капитан и положил трубку.

В последних его словах прозвучало явное облегчение, и Апыхтин понял причину, понял и ужаснулся – капитан был благодарен ему за то, что он не стал расспрашивать его о подробностях. Похоже, ему было бы тяжело ответить на этот вопрос.

С трудом поднявшись из кресла, Апыхтин подошел к окну – его «Мерседес» был на месте, и сквозь лобовое стекло виднелся контур водителя. На журнальном столике все еще стоял коньяк.

- Я домой, – сказал он секретарше, выйдя в приемную.
- Что отвечать? Когда будете?
- Позвоню.

По лестнице на первый этаж он почти сбежал. Кто-то окликал его, кто-то приветствовал – он не находил в себе сил даже обернуться. Что-то ныло внутри, что-то напряглось, болезненно и остро. Чем больше проходило времени после звонка капитана, тем больше он беспокоился, ощущая временами настоящую физическую боль в груди.

- Домой, – сказал он, опускаясь на переднее сиденье рядом с водителем.
- Что-нибудь случилось? – спросил Гена, трогая машину с места.
- Да.
- Дома? В банке?

– Не знаю. – Апыхтин смотрел прямо перед собой на дорогу, не видя ни дороги, ни машин. – Быстрее, – сказал он, заметив, что водитель уступает дорогу какому-то слишком уж нахальному грузовику.

- Понял, – кивнул тот и сразу обошел несколько машин.

Едва «Мерседес» остановился у подъезда, Апыхтин выскочил и, не закрывая за собой дверцу, вбежал в подъезд. Лифт стоял внизу, в это время дня он всегда стоял внизу, и Апыхтину сразу удалось подняться на свой этаж. Дверь в квартиру была закрыта, он позвонил и по погасшему «глазку» понял, что его рассматривают. Когда стальная плита отошла в сторону, он увидел на пороге человека в милицейской форме. Тот молча посторонился, пропуская Апыхтина, и тут же снова закрыл за ним бронированную дверь.

Апыхтин остановился, обернувшись к капитану, – он не решался сразу пройти в комнату и выглядел почти беспомощно.

- Юферев, – капитан пожал ему руку.
- Они живы? – спросил Апыхтин почему-то шепотом.
- Нет.

Апыхтин постоял несколько секунд, глядя в пол, и лишь после этого, решившись, шагнул в комнату. Катя лежала на полу, неловко подвернув ногу, вокруг ее головы растеклось большое кровавое пятно. Апыхтин подошел ближе, опустился на колени, осторожно коснулся пальцами Катиного лба. Вокруг были люди с фотоаппаратами, с какими-то предметами в руках – они стояли в разных концах комнаты и молча смотрели на него.

- Так, – сказал Апыхтин негромко. – Так...

Он поднялся, поискал глазами капитана, подошел к нему, хотел что-то спросить, но голос изменил ему, раздалось только невнятное сипение.

- Там, – сказал Юферев, показав рукой на дверь в другую комнату.
- И его тоже?
- Да.

Апыхтин шагнул к двери, постоял перед ней, не в силах сразу войти, оглянулся на капитана и, словно наполнившись от него какой-то силой, толкнул дверь.

Вовка тоже лежал на полу, и его окровавленная голова оказалась как раз на большой карте Кипра. Губы у мальчишки были полуоткрыты, но уже серые, мертвые. Апыхтин почувствовал вдруг сильную, непреодолимую тошноту, слабость, голова его закружилась, и он медленно осел на пол.

– Потерял сознание, – сказал Юферов. Подняв с пола тяжелый том в глянцевой суперобложке, он положил его на полку.

– Тут потеряешь, – отозвался эксперт с фотоаппаратом. Но о своих обязанностях не забыл – подойдя к Апыхтину, несколько раз сфотографировал его.

– Не притворяется? – спросил Юферов.

– Посмотри, он совсем зеленый.

– Принеси воды.

Взяв из рук эксперта литровую банку с водой, капитан тонкой струей начал поливать виски Апыхтина, голову, шею. Через некоторое время Апыхтин шевельнулся, открыл глаза, не в силах сразу стать на ноги, чуть приподнялся, прислонившись спиной к стене.

– Я не хочу жить, – сказал он негромко и повторил: – Я не хочу жить.

– А придется, – ответил Юферов, помолчав.

– Мы на Кипр собирались, – несколько нехотя сказал Апыхтин. – Вовка карту изучал...

– Поезжайте один. Это самое лучшее для вас сейчас.

– Что с ними сделали?

– Жене перерезали горло. – Голос Юферева оставался таким же мертвенно-серым, без всякого выражения. Не выдержал бы сейчас Апыхтин ни казенного сочувствия, ни соболезнования.

– А Вовка?

– Ткнули чем-то в висок. Судя по тому, что смерть наступила быстро, рана глубокая.

– А почему вы решили, что смерть наступила быстро?

– Есть некоторые признаки, – ответил эксперт, полноватый, румяный, лысый.

– Они сопротивлялись?

– Да.

– Это тоже можно установить?

– Предположительно, – уклонился эксперт от подробностей.

Апыхтин все так же сидел у двери, упершись ладонями в пол и откинув голову назад. Он старался дышать глубже, каждый раз полностью выталкивая из себя воздух.

Видя, что он пришел в себя, снова задвигались в комнате люди, опять принялись что-то замерять, высматривать, выискивать. Апыхтин с трудом поднялся, постоял у стены, видимо, не уверенный, что может идти, но потом все-таки направился на кухню. Обернулся на Катю, лежащую посередине комнаты, но не остановился.

На кухне стоял легкий чад, запах чего-то горелого. Подойдя к плите, Апыхтин увидел на сковороде несколько черных обуглившихся комков.

– Все правильно, – проговорил он, – она жарил котлеты.

Тут же, на столике, стояла тарелка с уже готовыми котлетами. Обернувшись на звук шагов, Апыхтин увидел входящего на кухню Юферева. Тот оставался таким же сдержанным и никак не проявлял своих чувств.

– Садитесь, капитан, – Апыхтин слабо махнул рукой в сторону кухонной табуретки.

– Когда мы вошли, здесь было полно дыму... Газ я выключил. И открыл окно, чтобы немного проветрить. Вся квартира была в дыму.

Апыхтин открыл холодильник, вынул початую бутылку водки, налил себе в чайную чашку, вопросительно посмотрел на Юферева.

– Нет-нет, спасибо, – сказал тот.

Апыхтин выпил водку, потянулся было к котлетам, сложенным в тарелке, но на полпути рука его остановилась.

– Закусите, Владимир Николаевич. – Юферов придвинул тарелку к Апыхтину. – Вам надо держаться.

– Зачем?

– Пройдет неделя... Вторая... И вы уже не будете задавать этот вопрос.

– Я все забуду? – вяло усмехнулся Апыхтин.

– Нет, но у вас появятся силы, чтобы помнить.

– Да? Так бывает?

– Только так и бывает.

– Мы на Кипр собирались, – проговорил Апыхтин, глядя на сковородку с черными головешками. – Там есть гора Троодос. А на горе монастырь... Монахи самогонку гонят и угощают туристов... Говорят, совершенно потрясающая самогонка. И закусить дают... – Апыхтин бормотал все тише, тише и наконец совсем замолк. – Зачем они это сделали? – спросил он неожиданно четко и внятно.

– Первое объяснение, которое напрашивается само собой... Ограбление.

– А убивать зачем?

– Надежнее.

– Так всегда делается?

– Далеко не всегда... Но случается. Отморозки.

– Что? – Апыхтин поднял голову.

– Так их называют в уголовном мире. Отморозки. Люди с отмороженными мозгами. Внешне они не отличаются от нормальных людей, вроде как все... И улыбаются, и женщин любят, у некоторых даже дети рождаются... Но мозги у них отморожены. И все остальное, что с этим связано, тоже отмерло – совесть, сочувствие, порядочность... Но яйца действуют.

– И это... Это было здесь?! – спросил Апыхтин почти с ужасом. – Это здесь тоже было?!

– Нет, – ответил Юферов тихо, но твердо.

– Точно не было? – настойчиво продолжал допытываться Апыхтин, словно это было самым главным в случившемся.

– Сами можете посмотреть... На ней трусики... В порядке. Я вот о чем хотел попросить вас, Владимир Николаевич... Может быть, вы посмотрите внимательно, что именно у вас пропало и пропали ли что-либо вообще?

Апыхтин некоторое время молча смотрел на Юферева, осмысливая вопрос, и наконец кивнул, давая понять, что понял сказанное.

– Вы хотите сказать, что могло и ничего не пропасть? – спросил он. – Вы хотите сказать, что убийство было единственной целью этих... Как вы говорите, отморозков?

– Будем думать, Владимир Николаевич, будем работать... Я вызвал машину, сейчас уведут... ваших близких. – На долю секунды запнулся капитан перед тем, как произнести «ваших близких», но Апыхтин сам уточнил:

– Трупы увезут. Близких у меня уже нет.

– Я понимаю, что поступаю безжалостно, пытаюсь сейчас задавать вам вопросы...

– Задавайте.

– По линии банка... Были угрозы, требования? Вы понимаете, о чем я говорю. Может быть, шантаж...

– Ничего этого не было.

– Хорошо. У вас есть «крыша»?

– Да.

– Кандауров?

– Он самый.

– С ним все в порядке?

– Да, капитан... С Кандауровым у меня все в порядке. Просто идеально. Лучше не бывает.

– Откуда вы знаете, как бывает? – Юферев хотел было задать какой-то вопрос, но, взглянув на Апыхтина, остановился. Тот сидел на неустойчивой кухонной табуретке и, зажав ладони коленями, уставившись в какую-то точку на стене, раскачивался из стороны в сторону. Вряд ли он вполне осознавал сейчас все, что говорил ему Юферев, что он сам отвечал. Похоже, он просто выделил для разговора какой-то незначительный участочек своего мозга и доверился ему. А сам впал в затаенное оцепенение и был там, в комнате, в нескольких метрах отсюда, где лежала Катя со вспоротым горлом, из которого вытекло так много крови, и в следующей комнате, где лежал с продырявленной головой Вовка...

Во всем происходящем была такая бессмыслица, такая тупая, необъяснимая жестокость, даже не жестокость, жестокость тоже имеет смысл, цель, причину... Здесь же ничего этого не было, тупая необъяснимость. Отмороженность, как говорит капитан Юферев.

– Не понимаю... – Апыхтин потряс большой лохматой головой, протер запотевшие очки, снова надел их, беспомощно посмотрел на капитана, словно ожидая, что тот все объяснит, расставит по местам, назовет вещи своими именами. – Ничего не понимаю... А вы, капитан, вы что-нибудь понимаете?

– Если хотите, могу назвать несколько версий, которые... – Юферев помедлил. – Которые возможны. Но сразу предупреждаю, что в действительности все может оказаться совсем не так...

– Говорите, – кивнул Апыхтин.

– Первая – грабеж. Потом мы с вами уточним, что именно пропало. Может быть, ничего не похищено, может быть, они искали какую-то вещь, документ, надеялись найти толстую пачку долларов, не зная по своей тупости, что в домах банкиров долларов не бывает, доллары бывают только в домах пенсионеров, нищих...

– Но убивать?! Зачем убивать?!

– Этому тоже может быть несколько объяснений... Возможно, ваша жена или сын узнали кого-либо из них.

– Вы хотите сказать, что это были мои знакомые, друзья, сослуживцы?

– Не знаю, сейчас об этом говорить рано. Как бы там ни было, ваша жена открыла им дверь. Дверь у вас... своеобразная. Следов взлома нет, да ее и невозможно взломать. А если бы кто-то и решился на взлом, у нее имелось достаточно времени позвонить в милицию, вам на работу, к соседям... Она открывает дверь незнакомым людям?

– Не знаю... Но я всегда предупреждал ее, всегда запрещал это делать.

– Она легкомысленна? Неосторожна? Доверчива?

– И да и нет. Как и все мы. К одним доверчивы, к другим подозрительны... Часто ошибаясь и там, и там.

В прихожей раздался звонок, Апыхтин вздрогнул и почему-то посмотрел на Юферева. Тот остался невозмутимым и лишь удовлетворено кивнул, услышав звонок.

– Наверное, пришла машина, которую я вызвал. Их надо забрать... Экспертиза, то-се... Опять же, жара.

– При чем тут жара? – не понял Апыхтин.

– Жара – это плохо. – Юферев не решался сказать, чем плоха жара. Он лишь выразительно посмотрел на Апыхтина, и тот, поняв, кивнул. Не поддержи его Юферев, он свалился бы на кухонный пол. Наполнив водой чашку, капитан с силой выплеснул ее прямо в лицо Апыхтину. Тот вздрогнул, тряхнул головой, открыл глаза.

– Простите, – сказал он. – Я хочу посмотреть...

– Надо ли? Зрелище... Даже наши ребята, насколько уж закаленные...

– Надо. – Апыхтин с трудом поднялся, опершись рукой о стенку, и шагнул в комнату. Юферов хотел было поддержать его, но с удивлением убедился, что в этом не было надобности – Апыхтин прошел с неожиданной твердостью.

Из прихожей уже входили люди с носилками. Апыхтин старался не смотреть на них, все они были вестниками смерти, он опасался запомнить их, запомнить их глаза, выражение лиц, боялся увидеть чувства, которые ему бы не понравились, – любопытство, интерес к нему, к пострадавшему банкиру, интерес к квартире, к мебели.

Поэтому смотрел только вниз.

Подошел к Кате, снова опустился перед ней на колени. Теперь он уже внимательнее всмотрелся в ее лицо, всмотрелся в рану – ему почему-то нестерпимо хотелось посмотреть на рану. Это было страшное зрелище. Нож, видимо, был чрезвычайно острым, и голова, как показалось Апыхтину, была почти отделена. Да, это сделал сильный человек, и нож у него был острым. Большой нож, подумал Апыхтин, это не какой-то там перочинный, нет, нож с массивной ручкой, с большим отточенным лезвием...

Перед Апыхтиным вдруг явственно предстало все происшедшее, он не хотел видеть этого, усилием воли пытался вытолкнуть изображение из сознания, но не удалось, и он смирился, сдался и как бы согласился увидеть убийство во всех подробностях.

Катя открыла дверь, увидела убийц, поняла, что это убийцы, бросилась в глубину квартиры, не на кухню, она бросилась к Вовкиной комнате, закричала, чтобы предупредить, но убийца настиг ее, левой рукой сзади обхватил лицо, закрыв рот ладонью, а правой полоснул по горлу ножом. И тут же, чтобы не испачкаться в крови, бросил ее на пол, на этот вот ковер, и она умирала у него на глазах, не в силах произнести ни звука, только хрипы звучали здесь, только хрипы и клочкотанье крови. Она билась здесь, на этом ковре, умирая, – угол ковра под ее ногами был сдвинут.

И Вовка. Потом был Вовка...

И его смерть увидел Апыхтин и уже не сопротивлялся своему воображению, не останавливал его. Услышав крик матери, Вовка выглянул из своей комнаты и увидел, увидел, как тот человек полоснул ножом по горлу матери, увидел, как хлынула кровь. Все произошло очень быстро – Катя закричала еще в прихожей, в ту же секунду из своей комнаты выбежал Вовка, а в это время тот человек уже догнал Катю, уже зажал ей рот большой сильной ладонью и в ту же секунду провел, хорошо так, сильно, с хрустом провел ножом по горлу. Вовка бросился в свою комнату, он пытался подпереть дверь спиной, остановить убийц, но что, что он мог сделать... И они воткнули ему что-то в висок, капитан говорит, глубоко воткнули... Что это было? Штырь какой-то, отвертка, спица... Нет, не спица, там такая рана, что может войти палец... И Вовка тоже дергался в агонии – лежащий у его кровати коврик сбит в сторону.

Апыхтин поднялся и прошел в маленькую комнату, где лежал Вовка. Опустился на колени, прижался губами к его окровавленной голове, провел рукой по волосам...

Сзади подошел Юферов, положил руку на плечо.

– На Кипре есть гора Троодос, – каким-то смазанным голосом проговорил Апыхтин. – Там монастырь, древний православный монастырь... Троодос называется...

– Пойдем, Владимир Николаевич, – сказал Юферов. – Пойдем на кухню... У тебя будет возможность, ты его еще увидишь...

– Да, я понимаю, жара... На жаре Вовка может очень быстро разложиться, да?

– Поплыл мужик, – сказал кто-то за дверью, но Апыхтин его услышал, замер на какое-то время, не отрывая взгляда от кровавой дыры в Вовкиной голове.

– Пошли, Владимир Николаевич, – Юферов потрепал его по плечу, понимая, что надо, необходимо оттащить Апыхтина от мертвого сына, иначе он просто рухнет. Что-то подсказало Юферову, что не обязательно сейчас называть Апыхтина на «вы», неправильно это будет,

плохо. Он сам даже не заметил, как перешел на «ты». – Пошли выпьем... Там у тебя на кухне что-то осталось. Пошли.

– Это, кажется, единственное, что мне остается делать в ближайшее время, – сказал Апыхтин и, нащупав за спиной ладонь капитана, оперся на нее, встал с колен. – Ну, прости, Вовка... Прости, дорогой... Не уберег. И ты, Катя, прости, – сказал он, проходя мимо жены – она уже лежала на носилках, задернутая грязноватой простыней. – Оплошал. Как последний... Я исправлюсь... Вот увидишь, я исправлюсь. Мы еще съездим на Кипр... Поднимемся на Троодос и выпьем монастырской самогонки... Там монахи самогонку гонят, – пояснил он, наткнувшись на сухой, жесткий взгляд капитана. – Туристов угощают... – Апыхтин замолчал, увидев, что капитан протягивает ему полную чашку водки.

– Давай, – сказал Юферов. – Одним махом и до дна.

– Ты тоже? – спросил Апыхтин.

– И я тоже, – Юферов поднял такую же чашку. Апыхтин протянул было свою, чтобы чокнуться, но тут же виновато опустил.

– Ах да, за упокой пьем... Как там в песне поется... «Хотел я выпить за здоровье, а надо ж, пью за упокой...» – Хорошая самогонка, – сказал Апыхтин, выпив водку до дна и вернув чашку Юферову. Капитан, незаметно наступая на него, затолкал Апыхтина на кухню и закрыл за собой дверь, чтобы тот не видел, как выносят трупы из квартиры.

– Закуси, – сказал Юферов, придвигая тарелку. – Ты уже достаточно выпил.

Апыхтин взял котлету, поднес было ее ко рту, но тут же резко отбросил в тарелку, глядя на нее почти с ужасом.

– Не могу, – сказал он. – Такое ощущение, что эти котлеты из нее сделаны.

– Из кого? – не понял Юферов.

– Из Кати. И из Вовки.

– Надо же, – удивился капитан, но тоже не решился взять котлету и отодвинул тарелку подальше.

– Они будто из Кати сделаны, – сказал Апыхтин, и на этом его силы, похоже, кончились. Он опустил голову на руки и, склонившись над кухонным столом, заплакал, не сдерживаясь. Водка расслабила его, и он, кажется, потерял самообладание. Иногда поднимал голову, смотрел на капитана мокрыми глазами, пытался что-то сказать, но не мог выговорить ни слова.

Юферов вылил остатки водки в свою чашку, выпил, зажевал подвернувшимся куском хлеба, потом снял с Апыхтина очки, отложил их в сторонку. Выйдя в комнату, подошел к телефону и, сверившись с записной книжкой, набрал номер банка «Феникс».

– Приемная Апыхтина? – спросил он.

– Да, – ответила Алла Петровна. – Но его сейчас нет. Он будет позже.

– С вами говорит капитан Юферов. Дома у Апыхтина несчастье. Вам необходимо подъехать сюда.

– Что случилось?

– Захватите с собой близкого ему человека... Заместитель, помощник... Не знаю, как там у вас это называется. Жду вас через десять минут.

– Видите ли, в чем дело, у нас сейчас начинается совещание, и я боюсь, что приехать немедленно вряд ли кто... Если вы, конечно, не возражаете...

– Возражаю! – перебил секретаршу Юферов.

– Тогда я хочу поговорить с Владимиром Николаевичем.

– Он не может.

– Почему?

– Не в состоянии.

– Вы хотите сказать...

– Послушай, тетя! – В голосе Юферева зазвучали хулиганские нотки. – Ты мне надоела. Я все сказал.

И положил трубку.

Через десять минут в прихожей прозвенел звонок. Юферев подошел к двери, посмотрел в «глазок» – на площадке стояли три нарядных мужчины и перепуганная женщина.

Юферев открыл дверь и некоторое время с подозрением рассматривал всех четверых.

– Кто такие? – спросил он, хотя уже догадался – все руководство банка пожаловало на квартиру к председателю правления.

– Мы заместители Апыхтина.

– Очень хорошо. Проходите. – Юферев опять запер дверь. – С вами я буду говорить завтра. Познакомимся поближе, побеседуем.

– О чем? – выскочил вперед один из приехавших.

– О жизни. Проходите в комнату.

Все четверо послушно, уступая друг другу дорогу, прошли мимо кухни и остановились перед громадной лужей крови. И молча повернулись к Юфереву, ожидая пояснений.

– Здесь была убита жена Апыхтина.

Алла Петровна, побледнев, медленно осела вдоль стены.

– В той комнате картина примерно такая же... Там был убит сын Апыхтина. Мы свою работу закончили, теперь вы приступайте. Квартиру надо вымыть, ковры сдать в химчистку или как там это делается... И – похороны. Это большая работа.

– Простите, а где Владимир Николаевич?

– На кухне... Плачет.

– Господи, – простонала, приходя в себя, секретарша.

– Завтра прошу быть на рабочих местах и никуда не отлучаться. Никаких командировок, поездов и прочего. Вопросы есть?

– Да нет... Вопросы, как я понимаю, будут у вас, – сказал Басаргин.

– И очень много. До встречи. – Юферев направился к двери. – Закройте за мной. И не открывайте незнакомым. У вас в банке должна быть охрана... Человек с автоматом здесь не помешает. – И Юферев вышел из квартиры.

* * *

Кандауров сидел в полупустом, затемненном зале ресторана за столиком в углу и обедал, когда к нему подошел невзрачного вида парень и прошептал несколько слов. Кандауров поднял голову и некоторое время смотрел парню в лицо, потом положил ложку, отодвинул тарелку с недоеденным харчо.

– Сядь, – сказал он.

Парень сел, четко соблюдая правила приличия – сел не к самому столу, а чуть отодвинул стул, руки не положил на скатерть, они остались лежать на коленях. Но и угодливости в нем тоже не было – в глаза не заглядывал, не суетился, задом не ерзал. Сидел и ждал вопросов.

– Это точно? – спросил Кандауров.

– Дело ведет Юферев.

– Цепкий мужик.

– Я как-то был у него в кабинете... – Парень замолчал, ожидая разрешения продолжить. Как и Кандауров, был он в тонком клетчатом пиджаке, черных брюках, белоснежной рубашке и выглядел аккуратно-нарядным. Но что-то его выдавало, что-то говорило о том, что это не обычная его одежда, старательность проглядывала в отутюженных манжетах, наглаженных брюках, посверкивающих туфлях. Оставалось ощущение, что он долго выбирал, что надеть, вполне

возможно, в вестибюле ресторана еще раз чистил туфли, не исключено, что своим же носовым платком.

- И что? – спросил Кандауров.
- Я вошел, он предложил сесть... А через три года вышел.
- Это он может. Но мужик ничего. Ладно, пусть... Какие слухи, Серега?
- Никаких.
- Совсем никаких?
- Совсем, Костя. Я навел кое-какие справки... Наши ничего не знают.
- Думаешь, гости?
- Получается, что так.

Кандауров долго смотрел в пустое пространство ресторана, официант несколько раз пересекал его взгляд, ожидая, что тот даст какой-нибудь знак, подзовет, но Кандауров оставался неподвижным. Он поставил локти на стол и провис на них так, что острые его плечи оказались выше головы.

– Нет, Серега, – произнес наконец Кандауров. – Гости так не работают. Одно из двух, как мне кажется... Или полная дурь собачья, неожиданность, случайность, недоразумение... Или большие деньги. Апыхтин наш клиент... И с ним не должно такого происходить. Теперь он меня пошлет. И правильно сделает. Я не могу ему на глаза показаться.

- А надо, – осмелился на совет Сергей.
- Конечно, покажусь... Но буду выглядеть как обосранная курица.
- Это удар, Костя.

– Да, – кивнул Кандауров. – Мы получили хороший удар. И теперь не можем делать вид, что ничего не произошло. Но почему бабу с дитем? Вот чего я не могу понять! Если какие-то банковские дела, то нужно убирать мужика... И потом, если бы у него были неприятности на этом фронте, я бы знал. Ты связывался с нашим человеком?

- В банке паника... Но по делам там все было в порядке. Контора крепкая.

Кандауров опять провис над столом, уставившись в задернутое темной шторой окно. За это время пришел официант, убрал посуду, спросил, не принести ли еще чего, – и лишь молчаливая неподвижность Кандаурова была ему ответом.

- Или шелупонь подзаборная, или большие деньги, – снова произнес Кандауров.

– Там дверь бронированная, из гранатомета не возьмешь. Разве что противотанковой миной.

– Значит, она знала этих людей? – оживился Кандауров и вопросительно посмотрел на Сергея.

- Или дура, – ответил тот.

– И так бывает, – согласился Кандауров. На лице его установилось выражение искренней печали. Он подпер щеку кулаком и опять надолго замолчал. Парень, который принес ему весть об убийстве, не торопил его, видимо, привыкший к такой форме общения.

- Выпить хочешь? – спросил наконец Кандауров.

– Нет, не буду.

– Правильно, не надо.

– Что будем делать, Костя?

– Выводы, – усмехнулся Кандауров. – Как говорят ученые люди, будем делать нелицеприятные выводы. – Сероватое лицо Кандаурова, освещенное боковым светом, казалось гораздо старше и горестнее. – Я так понимаю... Это мы получили удар. Убрали бабу с дитем, чтобы Апыхтин усомнился в нас и перестал платить. А платил бы этим новым ребятам. Если убрать его, то кто платить будет? А так они нанесли удар, чтобы сломать мужика... Хотя, как мне кажется, не должен Апыхтин сломаться, не должен... Он ничего так мужик, правильный... Правильные мужики не ломаются. Ломаются дешевки дутые, пидоры позорные...

– Это ты точно знаешь? – усмехнулся Сергей.

– Есть некоторые признаки, по которым можно сразу определить – правильный мужик или дутый.

– Поделись.

– Знаешь... Можно так предложить выпить, что ты по гроб жизни не забудешь, кулаки будут сжиматься каждый раз, когда вспомнится поднесенный стакан, от обиды желваки из черепа начнут выпирать... Значит, так... Боевая готовность. Кто-то из нас уже на прицеле. Они не остановятся. Они не могут остановиться, потому что уже нанесли удар... Как они бабу-то убили?

– Ножом по горлу.

– А пацана?

– Заточкой в висок.

– Бедный мужик, – вздохнул Кандауров. – Не знаю, что и сказать... Что я могу сказать?

– Скажи, что они получают то же самое.

– Это, конечно, утешение, но только для нас с тобой, а не для Володи Апыхтина.

– Сам же говоришь, что правильный мужик... Правильного мужика это наверняка утешит.

– Может быть, может быть... Хорошо бы Юферева опередить. А то ведь вспугнет, а толком ничего не сделает. И перед Апыхтиным нам надо очки набирать.

– Опередим, – негромко отозвался Сергей. – Он к нам не вхож, а мы к нему вхожи. Я сегодня уже буду знать обо всех его поисках и находках.

– Знаешь, Серега... Тут еще такое дело... Последнее время, мне кажется, он к нам тоже вхож.

– Неужели сука завелась? Кто?!

– Говорю же – ощущение. Невнятное, зыбкое, как слабый ветерок вот в этом зале, холодящий такой сквознячок... Надо бы нам это дело раскрутить.

– Раскрутим.

– Это ведь несложно, а?

– Раскрутим, – повторил Сергей.

– Ты позвони мне вечером – вдруг новости какие будут... Вдруг я что-нибудь узнаю.

– Пойдешь к Апыхтину?

– Нет, сегодня не пойду. Ему сейчас не до меня, не до сочувствий. Он в шоке. Квартира в кровище, баба в морге, пацан... И пацана нет... Сука буду, я их найду! Сука буду! – с неожиданной злостью прошипел Кандауров, поставив тощие свои костистые кулаки на скатерть. Первый раз в его словах прорвалось что-то свирепое и безжалостное. – Ведь не уйдут же, ведь некуда им уйти! Это мой город, мой! И я никому его не отдам. Никогда. Ни за что. Ох-х-х, – прохрипел Кандауров, схватившись за сердце. Он сжался, нависнув над столом, но через минуту-другую распрямился, вздохнул.

– Отпустило?

– Кажется, пронесло. Уходи. Мне еще позвонить надо. Свяжись с ребятами.

Ушел Сергей, растворился в полумраке зала официант, солнце сдвинулось в сторону, и узкая светлая щель погасла среди складок плотных штор. Поставив локти на стол и провиснув на них, как темная летучая мышь, надолго замер Кандауров в полной неподвижности. Глаза его были полусонными, и весь он выглядел каким-то обреченным. Щупловатый, с землистым лицом и в просторной, великоватой одежде, смотрелся он потерянно и жалко.

Но это было ложное впечатление.

Кандауров не собирался сдаваться.

Из всего случившегося он понял одно – будут разборки, «стрелки», выяснение отношений...

Стрельба тоже будет.
И очень скоро.

Все в городе знали, и капитан Юферев знал, что Апыхтин находился под его «крышей». И одного этого знания было достаточно, чтобы в его, кандауровской, империи царили мир, согласие и уважительность.

Кандауров никогда не задумывался над тем, правильно ли он живет, справедливо ли поступает, имеет ли он право обирать банкиров, торгашей, коммерсантов. Об этом он даже думать не хотел, поскольку пришел в эту жизнь, которая уже до него текла по каким-то своим законам, он эти законы принял и не собирался их менять, да и сомневаться в них у него не было никаких оснований.

Вот уйди он, умри, умотай куда-нибудь... И в тот же день в кабинет к Апыхтину войдет другой человек, наверняка менее порядочный и более алчный. И потребует свою долю.

Все это можно было назвать общественной моралью, нравственным принципом, открытым бандитизмом, беспределом, всеобщей криминализацией, можно было никак не называть, а просто жить, соблюдая установившиеся правила. Именно так Кандауров и поступал – соблюдал законы, которые сложились до него. И был уверен в том, что обязан эти законы отстаивать, охранять от всевозможных отморозков.

– Хорошо, – наконец проговорил он вслух. – Пусть будет так. Нет никаких возражений. Уж если поступило такое предложение, мы его обсудим и ответим должным образом. Должным образом, – повторил он и поднялся, резко отодвинув стул. Официанта подзывать не стал, хотя тот мгновенно возник в проеме между колоннами. Расплачиваться за обед не требовалось – ресторан не просто находился под кандауровской «крышей», он ему принадлежал.

* * *

Юферев пребывал в полной растерянности. Такого с ним еще никогда не было – он не находил никакого объяснения случившемуся. Как и Кандауров в своем ресторане, Юферев сидел в маленьком тусклом кабинете почти в такой же позе – поставив локти на стол и провиснув так, что плечи касались ушей. Перед ним лежал чистый лист бумаги, на листе шариковая ручка с искусанным концом, а под правой рукой стоял телефон. Но куда звонить, кому, о чем спросить? Юферев не представлял этого.

Эксперты в квартире Апыхтина не нашли ни единого чужого отпечатка пальцев. Это говорило о многом – работали жестко, трезво и, самое главное, – продуманно. Значит, не случайные заблудыги, позарившиеся на банкирскую квартиру. Убийство совершили ребята опытные. А по тому, как они это проделали, можно предположить – не впервой.

Напрашивался еще один вывод. В квартире был учинен полный разгром: выдвинуты ящики, разбросаны вещи, сброшены на пол книги, сдернута со стола скатерть... Юферев сразу понял – создавалась видимость ограбления. На полке лежал неплохой диктофон, его не взяли. Остался в ящике фотоаппарат, обычная «мыльница», но хорошая «мыльница», японская. Правда, исчезли побрякушки из деревянной шкатулки – но это не сбilo Юферева с толку. Чтобы ограбить квартиру, вовсе не требовалось сдергивать скатерть со стола или сбрасывать книги на пол. Значит, вывод один – создавалась видимость. А цель – убийство.

– Это мы установили, – пробормотал Юферев и придвинул к себе телефон. Он еще не знал, кому звонить, о чем спрашивать, но что-то сдвинулось в его сознании.

Дверь...

Дверь апыхтинской квартиры представляла собой стальную плиту, затянутую пластиком под кожу. На пластике – ни единого повреждения, царапины, заусеницы. Вывод один – дверь открыли изнутри. Хозяйка открыла, жена Апыхтина.

Зачем она это сделала? Почему так поступила, если газеты, телевидение, радио, народная молва, фольклор последних лет, соседский перебран – все, буквально все заполнено рассказами об ограблениях банкиров, об их отстреле, о похищениях жен, детей, любовниц? Нет, не могла, просто не могла апыхтинская жена вот так легко открыть дверь незнакомым людям.

Но если все-таки открыла? Ведь открыла же...

Значит, они были ей знакомы?

Или же... Или же... Или же...

Сумели обмануть, ввести в заблуждение, представиться не теми, кем были на самом деле. Сантехники? Газовщики? Соседи? Домоуправление? Почта?

– Нет, – Юферев тяжело покачал головой из стороны в сторону. – Все это на уровне анекдотов. Если она не вызывала сантехников, то ей не было надобности открывать дверь.

А она открыла.

Женщина эта слишком мала ростом, слишком слаба физически, чтобы оказать какое-то сопротивление грабителям, хоть в чем-то им помешать...

Пацан тоже совсем дите... Можно было просто запереть их в туалете, в ванной, в любой комнате и спокойно ограбить квартиру.

А что делают убийцы?

Сдергивают скатерть со стола, сбрасывают книги на пол и при этом оставляют диктофон и фотоаппарат. Значит, все-таки не ограбление, значит, все-таки убийство...

Чтобы вот так, одним движением, почти отсечь голову... Нужно иметь твердую руку и очень хороший нож.

Нож...

Его нельзя было оставлять при себе. От него необходимо было тут же избавиться. Это не простой нож, это орудие убийства. Они не могли не знать, что у банкира хватит денег, чтобы подключить к следствию любые силы.

Значит, им нужно избавиться от ножа.

Им просто необходимо избавиться от ножа.

Юферев поднялся из-за стола, прошел по кабинету, выглянул в коридор и снова захлопнул дверь.

Сел к столу.

Опять придвинул к себе телефон и, пошарив глазами по длинному списку номеров, нашел то, что ему требовалось.

Набрал номер.

– Домоуправление? Капитан Юферев, уголовный розыск.

– У нас обед...

– Кто у вас занимается мусорными ящиками?

– Валентина Степановна...

– Давайте Валентину Степановну!

– Слушаю вас, – раздался в трубке недовольный голос женщины, которую оторвали от стола, от разговора, от бесконечного бабьего трепа.

– Уголовный розыск, капитан Юферев.

– Очень приятно. – Голос неуволимо изменился, теперь в нем явно зазвучали прощающие нотки, почувствовалась готовность разговаривать, исполнять свои служебные обязанности.

– Мне сказали, что вы – самая главная над всеми мусорными ящиками. Это правда?

– Примерно.

– Когда обычно вывозится мусор?

– В пять – в половине шестого утра.

– Исключений не бывает?

– Ну какие исключения... Если машина сломается, вообще не вывозим, если водитель с хорошего бодуна запоздает, то может и в восемь подъехать.

– Но в течение дня не вывозите?

– Никогда.

– Спасибо. – Юферев положил трубку. И тут же поднял снова: – Валера? Зайди.

Через минуту в кабинет вошел Валера Брыкин – плотный румяный оперативник, в глазах у него была решимость все исполнить немедленно и до конца.

– Садись, – сказал Юферев. И опять замолчал, глядя в стол, покрытый толстым прозрачным листом.

– Что-нибудь нашли?

– Ничего. Полная пустота.

– Так не бывает.

– Конечно, – кивнул Юферев. – Слушай меня внимательно... Собирай своих ребят. Ищем нож.

– Не понял?

– Повторяю, – чуть раздраженно сказал Юферев, – ищем нож. Слишком уж грамотно все проделано. Отпечатков нет. Дверь открыла сама хозяйка. Ограбления нет.

– Как нет?

– Это было не ограбление. Видимость. Если все сделано так чисто и неуязвимо, значит, сделано предсказуемо. И я предсказываю – они должны были выбросить нож. Отморозок сумел одним движением почти отрезать человеку голову, значит, это должен быть необыкновенный нож. А пацану почти насквозь проткнули голову какой-то железкой. Это вечные улики. От них надо избавляться. Опытный, прожженный подонок от них обязательно избавится.

– Вообще-то да, вообще-то очень даже может быть, – согласился Брыкин, один из самых цепких оперативников, с которыми приходилось работать Юферову.

– Я так думаю... Мусорные ящики.

– Они могли в кусты бросить, в землю воткнуть, в песочнице зарыть, в проходящий грузовик бросить.

– Нет. Они должны были так избавиться от ножа, чтобы его не нашли. Завтра в пять вывозится мусор. Если мусор вывезут – нож исчезнет навсегда.

– Ну что ж, – с сомнением проговорил Брыкин. – Мысль тут, конечно, есть... Но как ты себе это представляешь?

– Берете дворников, сами подключаетесь... Нужно перевернуть и разгрести все ящики в двух, трех, четырех ближайших дворах.

– Подожди, Саша, что значит разгрести?

– Перевернуть вверх дном, высыпать мусор на асфальт и разгрести. Нож может быть завернут в тряпку, в газету, и это... Мне кажется, он достаточно большой. По размеру не менее солдатского штыка. У него должна быть длинная режущая поверхность, понимаешь? Голова-то отрезана!

– Саша... – Брыкин помолчал, склонив голову набок. – Саша, ты очень умный.

– Это я знаю, – досадливо отмахнулся Юферев, но смешался от столь откровенной и бессовестной лести. – Это мне все говорят.

– И женщины тоже?

– Для них у меня есть другие достоинства.

– И они говорят тебе об этих твоих достоинствах?

– Не замолкают! – рассмеялся Юферев. – И еще. – Он постучал по столу, как бы призывая оперативника сосредоточиться. – Надо пройти по этажам подъезда, где было совершено убийство, по всем этажам, – повторил Юферев. – И собрать бумажки, окурки, пивные пробки, все, что вы там найдете. На всех этажах.

– Про этажи ты уже говорил.
– Повторяю в сотый раз – необходимо пройти по всем этажам и собрать весь мусор.
– Там часто презервативы попадаются, – как бы между прочим заметил Брыкин. – И использованные, правда. Молодежь нынче пошла такая... такая...

– Это можете оставить себе.
– Спасибо, начальник. – Брыкин поднялся. – У меня один только вопрос, насчет мусора в подъезде... Ты ждешь какую-нибудь находку? Или все подряд?

– Собирать все подряд. А что касается моих ожиданий... Да, жду. Но что именно... потом.
– Как это понимать?
– Валера, дорогой... Иди ради бога! У меня такое чувство, что каждая минута дорога.
– Как бы мне хотелось взять их... – В голосе Брыкина неожиданно прозвучала щемящая искренность.

– Считай, что нас уже двое, – без улыбки проговорил Юферев. – Я не уйду отсюда, пока ты не вернешься.

– Я вернусь, Саша, – сказал Брыкин, махнув рукой уже из коридора.

Юферев еще некоторое время смотрел на дверь, за которой исчез Брыкин, и не было в его глазах ничего, кроме полной безнадежности. Он часто ловил себя на том, что совершенно не верит в успех дела, которым занимается. Юферев лишь исправно, настойчиво, может быть, даже цепко исполнял свои обязанности.

Надо обыскать? Обыскивал.

Надо разослать ориентировки? Рассылал.

Приходила мысль, что неплохо бы сделать запрос, установить личность, допросить того или иного человечка... Он все это проделывал, ничем не пренебрегал, но не столько проявлял какой-то там охотничий азарт, сколько заранее избавлялся от возможных упреков.

«А почему этого не сделал?» – гневно спросит какой-нибудь начальник. «Ни фиги, сделал».

«А вот этого не предусмотрел?» – «Ни фиги, предусмотрел».

«А до того не додумался?» – опять поднимет голос большой начальник. «Ни фиги, додумался и принял меры».

И не потому Юферев частенько пребывал в подавленном состоянии духа, что не любил свое дело или же оно у него не получалось. Ни фиги, дорогой читатель, получалось, и гораздо лучше, чем у других, которые неслись по жизни с горящими глазами и учащенным дыханием. Получалось.

Но Юферев каждый раз этому искренне изумлялся. Такой вот он человек. А если и была в его глазах непреходящая удрученность, то это от ясного понимания – как бы он ни блистал в своей работе, ничегошеньки ему не изменить. Не уменьшится в городе убийств, грабежей, насилия, нисколько не уменьшится. На месте каждого срубленного отморозка немедленно, с какой-то колдовской неотвратимостью вырастали двое новых – еще жаднее, еще тупее, еще злобнее прежних. Смотрел ли он телевизор, вслушиваясь в вопли очередных провидцев с лживыми глазами, читал ли откровения очередных страдалцев за благо народное или в своем же кабинете слушал признания уличенного убийцы, его не покидало ощущение полной беспомощности – работала система воспроизводства криминального мира, работала мощно, безостановочно и, как он мог судить, весьма успешно.

Никакого просвета не видел Юферев, и не происходило ничего такого, что могло бы утешить его и пообещать хотя бы в далеком будущем слабую надежду на избавление.

Неожиданно прозвучавший телефонный звонок заставил его вздрогнуть.

– Капитан Юферев слушает.

– Привет, капитан. Рад слышать твой голос.

– Кто говорит?

– Фамилия моя Кандауров, а зовут Костей.

– Ну, здравствуй, Костя. – Юферев неожиданно поймал себя на том, что ему приятен этот звонок, что ему хочется поговорить с крутым авторитетом. Может быть, он и ждал его звонка?

– Что нового, капитан? – Голос у Кандаурова был улыбчив, но куражливости, обычного ерничанья не было, чувствовалось, что он озабочен, опечален, обеспокоен.

– Работаем, – коротко отозвался Юферев.

– Знаешь, капитан, я чувствую, что мы с тобой по одному делу работаем.

– Возможно.

– Не будь так сдержан, капитан. Мы оба делаем святое дело, следим за порядком в городе. И я не знаю, у кого успехов больше. А тут видишь, как нехорошо получилось. Это наш общий прокол.

– Значит, не твоя работа?

– Саша! Как ты мог подумать?! Ты же умный человек, покидай карты туда-сюда, потасуй колоду, и сразу все станет ясно – мне нанесен удар. Мне! Это же мой банк, ты прекрасно об этом знаешь. И я принял вызов!

– Я тоже.

– Есть успехи?

– Нет, Костя, успехов, – с неожиданной болью сказал Юферев. – Нет отпечатков, нет следов, нет вещественных доказательств... Ничего нет.

– Если будут... Поделишься?

– Сложный вопрос, Костя.

– Тогда, капитан, послушай, что я тебе скажу... Если найдешь этих ребят, отдай их мне.

– Зачем?

– У тебя ведь по-разному может получиться, – продолжал Кандауров, как бы не услышав вопроса Юферева. – Следствие, суд... Улики начнут исчезать, свидетели изменят показания, потом найдется состоятельный человек, и суд выпустит их под залог... Они, конечно, тут же слиняжут... И тебе будет очень обидно. До слез. Отдай, капитан. Понимаешь... Должен быть порядок в городе. Если они от тебя умыкнут и обнаружатся где-нибудь на Канарских островах... Тогда каждый решит, что и ему можно вот так поступать, что и он может женщинам головы отрезать, а пацанам в виски втыкать разные острые предметы. Я сделаю так, что никому не захочется таких заработков. Только высшая мера, капитан.

– Значит, это все-таки не ты, – как бы про себя пробормотал Юферев.

– Обижаешь, капитан.

– Больше не буду.

– Мы договорились?

– О чем? – Юферев сделал вид, что не понял предложения. Ему требовалось время, чтобы прикинуть последствия, чтобы не пришлось потом отходить от своего же обещания – этого он не любил, знал, что и Кандауров воспримет подобное как оскорбление. Произнесенное слово – это кирпич, уложенный в стену, это камень брусчатки, – его нельзя уже вынуть, нельзя потревожить, иначе возникнет брешь в стене, в дороге, в отношениях.

– Повторить? – без раздражения спросил Кандауров, видимо, поняв причину заминки Юферева.

– Повтори.

– Хорошо... Наше общее с тобой дело – найти этих отморозков. Я обещаю – все, что буду знать... Поделюсь. И хочу, чтобы ты пообещал то же самое. Еще прошу... Если найдешь – сдай их мне. Тебе с ними не совладать. У тебя будут пропадать документы из сейфа, тебя отстранят от дела, начнется чехарда со следователями, отводы судей, потом пройдет много времени и многие даже забудут, за что их собирались судить. А когда вспомнят, отпустят под залог в

десять миллионов или в сто миллионов... Это уже не имеет значения. И в тот же вечер они вылетят на Канарские острова... Кстати, как тебе понравились Канарские острова?

– Как-то не довелось побывать.

– Рекомендую.

– Обязательно посету, – усмехнулся Юферев.

– Так вот, выйдешь на след... Не жадничай, поделись. И я тебе обещаю – отрезанные головы в нашем с тобой городе резко пойдут на убыль. Я не говорю, что они исчезнут вовсе, но их будет все меньше. А эти отморозки будут весело смеяться, когда вспомнят о тебе на Канарских островах. Или на Багамских. Или еще на каких-нибудь, не менее привлекательных. Этих островов, капитан, как я недавно узнал, видимо-невидимо.

– Но ведь все эти острова... Большие деньги. Откуда у них могут быть большие деньги, если ограбления не было? – Юферев сознательно выдал информацию – ограбления не было, только видимость.

– Даже так, – Кандауров мгновенно услышал самое главное. – Значит, все правильно и все мои подозрения обоснованны. А что касается денег... С ними ведь расплатятся, капитан, с ними щедро расплатятся. Могу тебе сказать, сколько стоит такая работа.

– Скажи.

– Тысяч пятьдесят.

– Долларов? – переспросил Юферев не столько по замедленности мышления, сколько из служебной добросовестности – все вещи, все признания и показания должны быть произнесены и запротоколированы однозначно, чтобы не было возможности что-либо истолковать иначе.

Кандауров и на этот раз его понял.

– Да, капитан, да. Пятьдесят тысяч долларов. Возможны, конечно, колебания, но это уже так... Или их облапошили, или они продешевили, или заказчик расщедрился. Так мы договорились?

– Ты не понял, что наша совместная работа уже началась?

– Понял, капитан. Но если ты хочешь, чтобы все было названо словами, я тоже этого хочу.

– Хорошо, Костя. Мы договорились. Я постараюсь найти этих ребят, буду рад, если и ты мне поможешь. Но ты – вольная птица, а я узник закона. Поэтому и сейчас, и в будущем ты это учитывай... Но мы договорились.

– Хорошо, капитан. Я буду позванивать иногда. Что-нибудь узнаю – доложу.

– Убийство странное, Костя... Ты это... Гляди в оба...

– Знаю, Саша. У меня боевая готовность. Спасибо.

– Пока. – И Юферев положил трубку.

Вроде не осталось ничего неясного, никто никому не пудрил мозги, не угрожал, но не мог, не мог Юферев освободиться от какой-то неловкости, оставшейся после разговора с городским авторитетом.

Все было сказано предельно ясно и четко, но была какая-то тягостность и в страшном предложении Кандаурова, и в его собственном согласии сотрудничать с городской бандой. Наконец до него дошло – это действительно могло вызвать замешательство в сознании, выстроенном в полном соответствии со статьями Уголовного кодекса, – главарь предлагал ему более действенный, более сильный и, если уж на то пошло, более справедливый способ и вынесения приговора, и его исполнения, нежели тот, которым обладал он, представитель государственного правосудия.

Кандауров не заискивал, Юферев тоже не лебезил, но понимал – его позиция ничуть не сильнее кандауровской, его возможности не больше, сила, которая стоит за ним, ничуть не внушительнее. И, осознав все это, Юферев тут же, не поднимаясь с кресла, решил твердо и окончательно – не отдаст он отморозков.

Ни за что не отдаст.

Пусть они спасутся, уйдут от наказания, пусть весело смеются на счастливых Канарских островах, пусть. Но сдать их Кандаурову – значит навсегда записаться в его штат.

– Надо ведь хоть иногда за что-то и уважать себя, – пробормотал он. – Я их найду, сука буду, найду! – Юферов даже не заметил, как скатился на кандауровский жаргон.

* * *

Апыхтин ходил по квартире со странным ощущением, что находится в совершенно незнакомом ему месте. Залитый кровью ковер унесли, голый пол казался чужим и даже каким-то обесчещенным. Стол тоже стоял без скатерти – Алла Петровна и ее унесла, чтобы ничто не напоминало хозяину о страшных событиях. И круглый стол, и голый пол создавали ощущение гостиницы, где он оказался случайно, ненадолго и вот-вот должен съехать отсюда, собрав свои вещички.

Пройдя в ванную, Апыхтин некоторое время стоял на пороге, напряженно всматриваясь в темноту. Он опасался включить свет, будто его поджидало здесь что-то страшное, нечеловеческое. Но, колебавшись, все-таки нажал кнопку выключателя. Вспыхнул мягкий свет, и он с облегчением убедился, что ничего неожиданного не произошло.

А впрочем, нет, произошло.

На стеклянной полочке зеркала, в подвесном шкафчике, на раковине он увидел Катины кремы, духи, лосьоны с причудливыми названиями. Тут же висело ее полотенце, которое они вместе купали в каком-то маленьком итальянском городке не то год, не то два назад. А шлепанцы были уже из Германии.

Апыхтин смотрел на все это, ни к чему не прикасаясь, как не мог прикоснуться к котлетам, которые Катя жарила перед своей смертью. Их съели оперативники, которые несколько часов искали по всей квартире следы убийц.

Не нашли.

Все эти вещички, наверное, должна была унести его секретарша, Алла Петровна. Не догадалась. Или не решилась. Не могла поступить так дерзко и самостоятельно.

Не выключая света в ванной, Апыхтин вернулся в комнату – там раздался телефонный звонок. Он постоял некоторое время, помедлил, но звонки продолжались, и он поднял трубку.

Звонил Осецкий. Как всегда – взволнован, нетерпелив, озабочен.

– Старик, ты как?

– Ничего, – ответил Апыхтин. – Нормально.

– Жив?

– Местами, – усмехнулся Апыхтин, поймав себя на ощущении, что разговаривать ему не хочется, неинтересно, и даже более того: он не вполне понимает собеседника, не вполне сознает, что говорит сам. И отделялся словечками короткими, неприятными, которые можно истолковать и так и этак, которые можно вообще не произносить, и от этого ничего не изменится.

Да, Апыхтин как-то незаметно для самого себя смирился с мыслью, что ничего не изменится, как бы он ни поступил, что бы кому ни сказал. И эта вот покорная смиренность, похоже, больше всего озадачивала людей, которые его знали. Он выглядел спокойным, но потерянным, отвечал невпопад, и знакомые начали опасаться, как бы он не совершил какой-нибудь глупости.

– Местами – это тоже неплохо.

– А вы там как?

– Держимся, старик! – обрадовался Осецкий вопросу, на который можно отвечать не задумываясь, отвечать долго и отвлекать Апыхтина, выводить его из оцепенения. – Все прекрасно, старик! Никаких потрясений, так что ты не волнуйся, не переживай!

– Знаешь, Игорь... – Апыхтин помолчал. – Я не переживаю. Скажу тебе больше... Такое ощущение, что я уже и не могу переживать.

– Не говори так! – зачастил Осецкий. – Не говори! Пройдет, вот увидишь, пройдет!

– Как с белых яблонь дым?

– Вроде того, – брякнул Осецкий, не поняв, о каком дыме говорит Апыхтин.

– Надо же...

– Мы зайдем к тебе сегодня... Ты как?

– Заходите.

– Может, чего захватить?

– Захватите.

– В каком часу?

– Как соберетесь. – Апыхтину было совершенно безразлично, когда к нему придут заместители, да и придут ли вообще, что захватят с собой или ничего не захватят – это их дело.

– Ну, пока, Володя! – Осецкий постарался придать своему голосу ту сложную интонацию, которая говорила бы о том, что он охотно навестит друга, но понимает, что у того беда и большой радости по поводу предстоящей встречи высказывать не следует, плохо это, грубо. И сумел все-таки удержаться на лезвии ножа, хотя Апыхтин начисто не заметил его усилий, его мастерства и чуткости.

– Пока, – ответил он и положил трубку.

Пройдя к Вовкиной комнате, Апыхтин остановился на пороге и долго бездумно смотрел на обнаженные вещи. Поправил стул, стоявший, как ему показалось, неправильно, бестолково. Прошел к окну, отдернул занавеску. Увидев проносящиеся внизу машины, некоторое время смотрел на них, и ни единой мысли, ни единого желания не возникло в нем.

– Так ты будешь все-таки на горе Троодос? – раздался сзади знакомый голос Кати.

Апыхтин замер, испарина мгновенно покрывала его лоб, и он начал медленно-медленно поворачиваться, в ужасе от того, что увидит через секунду. Но то, что увидел, было хуже ожидаемого – за спиной никого не было. Ни живой Кати, ни Кати со вспоротым горлом – никого. Хотя нет, слабая, прозрачная тень скользнула все-таки на фоне обоев – Катя виновато держала руку у горла, чтобы не огорчать его видом своей страшной раны.

Апыхтин перевел дыхание и, стараясь шагать бесшумно, чтобы не вспугнуть затаившиеся в квартире тени, только тени когда-то живых людей, двинулся к кухне. Он уже знал, как поступить, что сделать. И знал – ничто его не остановит, ничто не помешает совершить задуманное.

Когда он уже отходил от маленькой комнаты и впереди был проход на кухню, сзади раздался веселый Вовкин голос:

– Будет, будет! Он давно собирался на Троодос.

Апыхтин понимал, что оглядываться не следует, ничего он не увидит за спиной, но все же остановился и так же медленно, опасливо повернул голову назад. Может быть, ему показалось, может быть, на самом деле ничего не было, но увидел он, увидел прозрачную Вовкину тень на фоне светлого прямоугольника двери. Вовка смотрел на него печально, так, как никогда не смотрел при жизни. И последнее, что увидел Апыхтин, – черную рукоятку штыря, торчавшего из виска сына.

Убедившись, что Вовка исчез, растворился в воздухе и не осталось даже слабой его тени, Апыхтин с какой-то больной сосредоточенностью вошел на кухню, плотно закрыл за собой дверь и, лишь убедившись, что сквозняк ее не откроет, направился к холодильнику. На губах его блуждала странная улыбка, какая может быть у человека, которому удалось ловко кого-то перехитрить.

– А теперь, – проговорил он, открывая холодильник, – мы переместимся в параллельный мир, где не будет ни этой кровавой квартиры, ни теней с железками в голове, ни жен с

отделенными головами... Где и тебя, дорогой, тоже не будет, а вместо Апыхтина там без толку болтается большое бородатое существо, пьяное и ни к чему не способное.

Апыхтин достал початую бутылку водки, налил себе почти полный стакан и медленно, как прохладительный напиток, выпил до дна.

– Ну вот и все, – сказал он, возвращая бутылку в холодильник. – Вот ты уже и в параллельном мире... Здесь ничего у тебя не болит, никто по тебе не страдает и ты тоже ни по ком не плачешь... Или все-таки остались какие-то переживания?

Он замер в нескладной позе, прислушиваясь не то к себе, не то к событиям, происходившим за дверью, в комнате, и, понимая кивнув, снова потянулся к холодильнику.

– Все-таки ты еще не весь переместился... Какая-то чрезвычайно важная часть осталась в этом больном мире... Но ты знаешь, что нужно делать... Не впервой, дорогой, не впервой...

И он выпил еще полстакана водки.

– Ну вот, теперь совсем другое дело, теперь ты уже весь там...

И Апыхтин бесстрашно открыл кухонную дверь, прошел в комнату. С подчеркнутой старательностью он обошел всю квартиру, заглядывая за каждую штору, под столы, распахивая дверцы шкафов, а в спальне даже лег на пол, чтобы посмотреть, не прячется ли кто под низкой кроватью.

Никого он не увидел, и слабой тенью никто не скользнул перед его глазами. И никаких звуков не услышал. Ни голосов, ни скрипа двери, ни легких шагов.

– Ну вот, – удовлетворенно пробормотал Апыхтин, тяжело поднимаясь с пола. – Что и требовалось доказать.

Но все-таки на его лице оставалась настороженность, и, передвигаясь по квартире, он опасливо косил глазами по сторонам, будто все еще не был уверен, что удалось ему переместиться в параллельный мир, где нет боли, где никто о нем не пожалеет и он тоже ни по ком не заплачет.

Когда из прихожей, в полной тишине, раздался резкий звонок, Апыхтин вздрогнул и не сразу решился открыть дверь. Вначале осторожно выглянул в прихожую и, убедившись, что она пуста, посмотрел в «глазок». На площадке стояли три его заместителя, успев придать лицам выражения скорбные и озабоченные.

– Надо же, – пробормотал Апыхтин, не торопясь возвращаться в привычный мир. – Заботятся... Переживают. Ишь ты.

Он открыл все запоры своей бронированной двери, которая так и не смогла никого защитить, и распахнул ее широко, гостеприимно.

– Навеки умолкли веселые хлопцы, в живых я остался один! – пропел Апыхтин с широкой улыбкой, пропуская друзей в прихожую и закрывая за ними дверь.

Шустрый Осецкий первым изловчился пожать ему руку, обнял на ходу, похлопал тощевой ладонью по необъятной апыхтинской спине. Цыкин пожал руку молча, сосредоточенно и лишь подмигнул заговорщицки, держись, дескать. Басаргин посмотрел Апыхтину в глаза требовательно и твердо. Все трое держали в руках разноцветные целлофановые пакеты, наполненные явно не деловыми бумагами.

– Проходите в комнату. Рассаживайтесь кто где хочет.

– Рассядемся, – быстро ответил Осецкий и тут же начал выкладывать на стол свертки из своего пакета. – Где у тебя ножи, вилки, тарелки?

– Стаканы, – добавил Цыкин, вынимая из своего пакета одну за другой несколько бутылок водки.

– Я вижу, вы решили провести небольшое совещание? – усмехнулся Апыхтин. Все трое заместителей посмотрели на него пытливо и настороженно – в порядке ли шеф, действительно ли он усмехается и насколько здрава и осмысленна его улыбка. И тут же вернулись к своим пакетам, успокоенные – Апыхтин был в порядке.

– Что Кипр? – спросил Осецкий. – Едешь?
– Они не возражают, – ответил Апыхтин легко, без напряжения, расставляя стаканы на голом деревянном столе.
– Кто они? – спросил Басаргин.
– И Катя, и Вовка, – беззаботно ответил Апыхтин.
– Ты хочешь сказать... – начал было Цыкин, но не успел закончить, его перебил Апыхтин:
– Они были недавно, перед самым вашим приходом. Если бы вы пришли чуть раньше, то застали бы обоих. Катя, правда, неважно выглядела, руки у горла держала... Видимо, чтобы меня не пугать. А у Вовки железка из головы торчала, но он был бодрее. И голос такой звонкий, уверенный.
– Так, – негромко проговорил Басаргин и осторожно посмотрел на Цыкина и Осецкого: как, дескать, быть-то? – Значит, все-таки едешь?
– Подумаю. – Апыхтин принес из кухни тарелки, вилки, Осецкий за это время нарезал копченой осетрины, разодрал на куски курицу, разлил по стаканам водку.
– И часто приходят? – неожиданно прозвучал в общей тишине вопрос Цыкина.
– Кто? – живо повернулся к нему хозяин, прекрасно понимая, о чем тот спрашивает. И что-то мелькнуло в глазах Апыхтина, какой-то огонек затаенного интереса.
– Ну как... Ты же сам говорил... Катя и Вовка. – Цыкин был сбит с толку и вопросом Апыхтина, и его улыбкой, и наступившей тишиной, и тем ударом ноги, которым под столом наделил его Басаргин.
– А, эти... – небрежно махнул рукой Апыхтин, но не было в его жесте пренебрежения – это все поняли. – Заходят иногда... Может, и сейчас подойдут... Они все время где-то рядом... То в прихожей, то за шторой... Как тебе объяснить... – Апыхтин обращался только к Цыкину. – Они почти прозрачные... И с каждым часом, я заметил, становятся все прозрачнее... Поэтому я не всегда их даже и замечая, иногда прохожу сквозь Катю и только потом спохватываюсь... Она не обижается, – заверил Апыхтин каким-то будничным голосом, будто говорил о чем-то совершенно естественном.
– Ладно, – сказал Басаргин твердо и озабоченно. – За что пить будем?
– Как за что, за упокой, – живо откликнулся Апыхтин и весело посмотрел на каждого. И столько было в его глазах неподдельного интереса к тосту, что все трое заместителей лишь подавленно переглянулись. – Ну что ж, земля, как говорится, пухом, – не то предложил, не то спросил Апыхтин, и глаза его за очками сверкнули радостным ожиданием, – ох и выпьем, ребята, ох и выпьем.

* * *

Капитан Юферов с молчаливой настороженностью смотрел на Брыкина. Тот был сосредоточен, вошел с большим целлофановым мешком, помялся у двери – ничего, дескать, если я с мешком да в кабинет? Капитан в ответ лишь кивнул. Брыкин поставил мешок в угол и, присев к столу, вопросительно посмотрел на Юферева.
– Ну и что? – спросил тот.
– А ничего.
– Совсем ничего?
– Совсем, Саша. Больше двадцати ящиков мусора перелопатили за пять часов. Столько наслушались от жильцов, столько всего насмотрелись в самих ящиках, столько тайных сторон жизни наших граждан открылось...
– Остановись, – хмуро сказал Юферов. – Нашли?
– Нет, Саша, не нашли.
– И штыря тоже нет?

– Нет. Но крови видели... Я за всю жизнь столько не видел. Бинты, тряпки, трусы, рубашки... Все в кровище! Такая криминальная вонь идет из этих ящиков... Дышать нечем.

– Значит, нож он не выбросил, – растерянно проговорил Юферев. – Решил себе оставить.

– Оно и понятно! – оживился Брыкин. – Инструмент, видимо, хороший, надежный, испытанный инструмент... Зачем же выбрасывать? В жизни все пригодится.

– Значит, не выбросил, – повторил Юферев.

– Или не нашли, – утешил капитана Брыкин. – Ведь весь мусор города осмотреть невозможно. Отошли они, к примеру, метров на триста, на километр отъехали на машине и бросили с моста в речку... В канализационный люк, в водосточную решетку... Потомки найдут, подивятся мастерству оружейников в конце двадцатого века, а?

– Да-да, конечно, – рассеянно отвечал Юферев. – Найдут, подивятся. Ну ладно. – Он с силой потер ладонями лицо, покрытое длинными глубокими морщинами. – Ладно... Оботремся, переморгаем.

– Мне не столько обтираться надо после этих мусорных ящиков, сколько отмываться! – рассмеялся Брыкин, и его круглые щеки сделались еще румянее.

– Что там у тебя в мешке-то? – спросил Юферев. – Похвастайся.

– Опять же мусор, – весело ответил Брыкин. – Как ты и велел – собрали все, что можно было ухватить пальцами человеческой руки. На всех этажах. Во всех закоулках. Под всеми батареями! Домоуправление должно нам хорошую премию отвалить за проделанную работу.

– Отвалят, – вздохнул Юферев. – Догонят и еще раз отвалят. – Он вышел из-за стола, постоял над мешком, не зная, с какой стороны к нему подступить. Потом не торопясь, без всякого интереса заглянул внутрь, беспомощно посмотрел на оперативника.

– Мусор, – сказал тот, разведя руки в стороны. Дескать, чем богаты, тем и рады.

– Вижу, что не золото, – вздохнул Юферев и, перевернув мешок вверх дном, высыпал все его содержимое на пол посреди кабинета. Покатались к стенам пивные пробки, завоняло старыми окурками, разноцветно и шуршаще осыпались бумажки, какие-то комки, смятые пачки сигарет, сверкнули разноцветной пластмассой пустые зажигалки, бесшумно улеглись на пол бритвенные лезвия, несколько шприцов, брошенные захмелевшими наркоманами, сверкнули осколки разбитой бутылки... – Поработали, – пробормотал озадаченно Юферев. – Вижу, что время зря не теряли.

– Говору же, мы оставили после себя самый чистый подъезд в городе!

Юферев продолжал стоять над кучей мусора, соображая, что с ней делать: тут же выбросить или попытаться разобрать все это бесконечное множество отходов современной жизни.

– Подумать только, – пробормотал он подавленно. – В таком месиве мусора может таиться истина!

– Саша! – потрясенно произнес Брыкин. – Как глубоко и проникновенно ты мыслишь!

– Как могу, так и мыслю. – Юферев присел на корточки. – Располагайся рядом, – сказал он Брыкину. – И начнем.

– Чего начнем-то?

– Перебирать. Бумажку за бумажкой, окурочек за окурочком.

– Если по мне, Саша, то наши возможные открытия обретут смысл, если мы точно будем знать, где лежал тот или иной окурочек, пробка, бумажка, шприц.

– Преступники могли обронить нечто стоящее на любом этаже.

– Тоже верно, – уныло согласился Брыкин, присаживаясь рядом. – Чего ищем-то?

– Понятия не имею, – ответил Юферев. – Вдруг что-то засветится, какая-нибудь вещичка пискнет тонким голосом прямо в твоих пальцах, может, пробка подмигнет пьяным глазом... Возле моего стола стоит корзина для бумаг... Тащи ее сюда. Будем постепенно ее наполнять, выносить во двор, снова наполнять и снова выносить... Возражения есть?

– Есть, но они несущественны. – Брыкин принес проволочную корзину, сам присел рядом и взял из кучи первую попавшуюся папиросную пачку. Заглянул внутрь, понюхал, прикрыв глаза, пожал плечами и бросил пачку в корзину.

Вскоре в нее без задержки перекочевали остальные пачки из-под сигарет, пивные пробки, обертки от жвачек, шоколадных батончиков, винтовые пробки из-под разнообразных, но неизменно поддельных водок, в полной мере отражавших образ жизни, быт и устремления жильцов дома в конце второго тысячелетия.

Юферев и Брыкин сосредоточенно разворачивали каждую бумажку, заглядывали в каждую смятую пачку из-под сигарет, осматривали пробки, спичечные коробки, использованные зажигалки и все это молча бросали в корзину. Когда она наполнилась, Брыкин, не говоря ни слова, поднялся, взял ее и вынес во двор. Вытряхнув все в мусорный ящик, вернулся обратно. Юферев внимательно рассматривал голубоватую бумажку размером в половину писчего листа.

– Счастливая находка? – спросил Брыкин.

– Не знаю, насколько счастливая, но сдастся мне, что это все-таки находка. – Юферев взглянул на присевшего рядом Брыкина и протянул ему листок.

– Что это?

– Телеграфный бланк. Почему-то смят в комок, почему-то пахнет духами, почему-то со следами губной помады.

Брыкин взял телеграфный бланк, осмотрел со всех сторон, понюхал, поведив им мимо носа в разных направлениях.

– Не помнишь, где ты его нашел?

– В подъезде, – Брыкин пожал плечами.

– Выше квартиры Апыхтина? Или ниже?

– Это имеет значение?

– Конечно, – ответил Юферев, но пояснять ничего не стал и отошел к столу. Разложив бланк на гладкой поверхности, распрямил, сел в жестковатое кресло, которое отличалось от табуретки разве что спинкой да двумя подлокотниками, о которые прежний хозяин имел обыкновение открывать пивные бутылки. – Ты продолжай, – сказал он Брыкину. – А я пока маленько того...

– Что «того»?

– Подумаю.

– Хорошее дело, – одобрил Брыкин и снова склонился над мусором.

Пустой телеграфный бланк, лежащий на столе перед Юферевым, был не столь простой находкой, как это могло показаться человеку случайному, неопытному или попросту равнодушному. Юферев и обрадовался ему, и насторожился, и почувствовал легкий прохладный ветерок, исходящий от мягкого клочка бумаги. Он уже сталкивался с чем-то подобным. Озноб, неуловимой волной пробежавший по всему телу, подтверждал – удача. Что-то приоткрылось в событиях, что-то засветилось в той крошечной темноте, которая окружала следователя последние часы.

Юферев осторожно перевел дыхание, словно боялся сдуть с бланка невидимые следы преступников, словно опасался, что вот-вот может слететь со стола этот голубоватый листок бумаги и унесет его, унесет злой ветер, запущенный силами недобрыми, сатанинскими. Это ощущение было настолько сильным, что он не выдержал и положил на листок железный дырокол.

И помимо его воли перед глазами вдруг возникла картина преступления, причем так явственно, с такими подробностями, что он закрыл глаза. Но возникающая картинка не стала от этого бледнее, она сделалась режуще-четкой, каждая подробность светилась в темноте и врезалась, навсегда врезалась в сознание. То ли от самой бумаги исходили эти наполненные

ненавистью волны, то ли Юферев смог вызвать в себе какие-то неведомые силы и считывал с голубоватого бланка страшные видения...

– Послушай, Валера... – Юферев с трудом оторвал ладони от лица. – Послушай... Как мог этот бланк оказаться в подъезде?

– Да как угодно, – не задумываясь ответил Брыкин. – Тысячу способов могу назвать.

– Начинай, – тихо сказал Юферев.

– Что начинать?

– Перечислять эту тысячу способов. Итак, слушаю тебя... Способ первый.

– Ну... – Брыкин замаялся. – Кто-то кому-то давал телеграмму, случайно или не случайно на почте сунул бланк в карман, а обнаружив его уже в подъезде, скомкал и выбросил.

– Обычно комкают бланки и выбрасывают их, когда написано что-то ошибочное, когда человек написал неправильный адрес, неудачный текст... А здесь нет ничего. Бланк чистый, если не считать губной помады.

– Хорошо! – охотно согласился Брыкин. – Девушка была на почте, отправила телеграмму, а один бланк сунула в сумочку – вдруг пригодится для интимных надобностей.

– Но ведь не могла же она его скомканным сунуть в сумочку!

– В сумочку она положила бланк, переломив пополам, – твердо сказал Брыкин. – А в подъезде вытерла им губы и, скомкав, бросила в угол. Годится?

– Нет, – Юферев улыбочиво покачал головой. – Прежде всего, здесь нет ровного излома. Никто никогда этот бланк не складывал ни пополам, ни вчетверо... Дальше... Этим бланком никто губы не вытирал.

– Но ты сам сказал, что там следы помады.

– Да, следы есть, Валера. – В голосе Юферева появилась некоторая торжественность. – Этого бланка кто-то лишь коснулся губами, нежно и трепетно. Или можно сказать иначе – бессознательно, волнуясь, трепеща. Здесь видны даже отпечатки губ с двух сторон... Женщина как бы взяла уголок бланка губами...

– А! – махнул рукой Брыкин. – Знаю. Видел. Сам видел. Есть у них такой прием – обхватывают губами платочек, газету, в данном случае это мог быть телеграфный бланк... Чтобы снять с губ излишки помады или же сделать эту помаду равномерной, слой подровнять, понимаешь?

– Нет, и это объяснение не подходит. Больно нежные касания. Никто этой бумагой слой помады не подравнивал.

– Что же делали с этим бланком? – Оставив наконец корзину, Брыкин приблизился к столу.

– Я бы сказал, но ты не поверишь, – Юферев затаенно улыбался.

– Поверю! – клятвенно заверил Брыкин и даже руку приложил к тому месту, где, по его представлениям, должно было находиться сердце.

– Его показывали.

– Кто показывал? Кому?

– Понимаешь, я прямо вот вижу, как это происходило! – воскликнул Юферев и опять почувствовал пробежавший по телу холодок озноба.

– Ну? – снисходительно произнес Брыкин.

Юферев некоторое время смотрел прямо перед собой в грязноватую стену кабинета, словно не решаясь поделиться тем, что вдруг каким-то невероятным, колдовским образом открылось ему в эти минуты.

– Значит, так, – сказал он, преодолевая в себе какое-то сопротивление. – Значит, так... Их было трое – двое мужчин и одна женщина. Да, трое.

– Ты имеешь в виду убийц?

– Вошли в подъезд порознь, чтобы не привлекать внимания. Поэтому, если завтра будешь спрашивать жильцов, не входили ли трое... Сразу говорю – не входили.

– А я буду об этом спрашивать? – удивился Брыкин.

– Да, завтра с утра. Так вот, продолжаю... Женщина подошла к двери и позвонила. Когда увидела, что в «глазок» на нее кто-то смотрит, показала бланк, дескать, телеграмма пришла. Апыхтинская жена, естественно, поверила, никакой опасности в женщине не почувствовала. И открыла бронированную дверь. В ту же секунду в квартиру ворвались мужчины. Женщина после этого просто сбегала вниз по лестнице. По дороге скомкала и выбросила телеграфный бланк. Коснулась его губами скорее всего, когда подходила к двери, когда звонила и ожидала, пока ей откроют дверь.

– Надо же. – Брыкин потянулся к голубоватой бумажке, но Юферев решительно отвел его руку в сторону.

– Ты уже достаточно рассмотрелся. Здесь следы помады, эксперты увидят отпечатки губ. А это не менее надежно, чем отпечатки пальцев.

– Все это, конечно, интересно, – протянул Брыкин. – Но больно уж сомнительно.

– Если объяснишь, как в подъезд попал этот бланк, заметь, новый бланк, но скомканный, в губной помаде, но без единой буквы, строчки... Если объяснишь это, я охотно откажусь от своей версии.

– Нет, зачем же от нее отказываться... Она мне нравится, – сказал Брыкин. – Где же мы нашли этот голубенький комочек, вот бы припомнить!

– Не надо. Это не имеет значения. Конечно же, она не бросила его сразу у двери. Когда мужики ворвались в квартиру, женщина не стала вызывать лифт, ей надо было побыстрее уйти с этажа. И она ушла. А бланк бросила по дороге.

– Неужели именно его ты и надеялся найти? – спросил Брыкин с восхищением.

– Нет, конечно... Но что-нибудь в этом роде... Это могла быть едва початая сигарета, какая-нибудь мелочь из квартиры Апыхтина, что-нибудь в крови... Ты видел, сколько там было крови? Не может быть, чтобы у них на руках, на одежде не осталось ни капли. Когда мы их найдем, то обязательно обнаружатся вещи со следами крови.

– Не обнаружатся, – сказал Брыкин.

– Почему?

– Сам же говоришь – грамотные ребята. Я бы на их месте все сжег, вплоть до носков, трусов, майки.

– Тоже верно, – согласился Юферев.

– Значит, ищем женщину?

– Да, ищем женщину, которая пользуется такой вот красной помадой. Цвет довольно редкий, – заметил Юферев. – Сейчас красятся синей помадой, зеленой, малиновой, видел даже желтую, но такую, чисто-красную... По-моему, редкий цвет. Во всяком случае, не столь уж частый.

– Если она не сменила помаду после сегодняшних событий, – заметил Брыкин.

– Это невозможно. Помады слишком дорогие, чтобы ими вот так легко бросаться. И потом... – Юферев помолчал. – Почему, собственно, она должна ее менять? В квартире не была, следов не оставила, единственный человек, который ее видел, с которым она разговаривала, – жена Апыхтина... Она ничего уже не скажет. Нет-нет, у этой женщины, как мне кажется, молодой женщины, нет причин маскироваться, менять внешность, одежду, помаду.

– Думаешь, молодая? – с сомнением спросил Брыкин, не заметив, как сам втянулся в обсуждение юферевской догадки.

– Конечно! Отморозки не возьмут с собой на дело старуху или женщину в годах... Это должна быть их баба, их подруга и соучастница... Она скорее всего и раньше помогала им,

или, скажем иначе, они и раньше привлекали ее для своих дел. Опять же помада, – Юферев взглянул на бланк, лежащий перед ним на столе. – Губастенькая девушка. Яркая. Отчаянная.

– Саша! – воскликнул потрясенный Брыкин. – А это откуда взял?

– Посмотри на отпечатки... Эти губки тоненькими не назовешь. Могу кое-что и о волосах сказать... Скорее всего светлые у нее волосы, крашенные.

– Это тоже видно по губной помаде? – Брыкин уже совладал с растерянностью и вернулся к своему обычному насмешливому тону.

– Жопастенькая девочка, – проговорил Юферев, даже не услышав вопроса оперативника. – Мне так кажется, – добавил он, словно извиняясь за излишнюю самоуверенность.

– Издеваешься?

– Ничуть, – Юферев покачал головой. – Ничуть, Валера. Хочешь, поделюсь?

– Ну? – настороженно произнес Брыкин, словно опасался, что его обманут, обмишулят, выставят дураком.

– Представь себе молодую женщину, стоящую за ширмой. И сквозь вырез в ширме ты видишь только полные губы, выкрашенные помадой чистого красного цвета... Представил?

– Ну?

– Остальное можешь вообразить?

– Конечно! Теперь, когда ты все рассказал, у меня перед глазами ничего другого и не возникает!

– У смуглых женщин редко бывают пухлые губы, – проговорил Юферев, почему-то смущаясь. – Во всяком случае, в моей жизни такие не встречались. У худосочных девиц это тоже большая редкость, как мне кажется, – опять добавил Юферев. – И потом, знаешь... Ее приятели, эти отморозки... Достаточно крутые ребята, верно?

– Куда уж круче!

– У них свои вкусы... Они выбирают женщин, которые привлекают внимание окружающих, хотят, чтобы все видели, какая обалденная телка у него, какая оторва, какая сексуальная стерва... Какие у нее ноги! Какое на ней шмотье! Как она хохочет, показывая всем желающим все тридцать три своих зуба!

– Тридцать два, – поправил Брыкин.

– Да? – удивился Юферев. – А мне почему-то казалось, что у человека тридцать три зуба... Надо же...

– И где же он находится, этот тридцать третий? – расхохотался Брыкин. – Ладно, Саша, ладно... Все это очень интересно, но при одном условии – что эта баба действительно существует, что она в самом деле коснулась губами телеграфного бланка, когда звонила в апыхтинскую квартиру.

– Вот этим ты завтра с утра и займешься, – сказал Юферев. – А я отправлюсь в банк. Знакомиться с тамошними порядками. С тамошними людьми.

– Постой-постой! – забеспокоился Брыкин. – Что значит займешься? Как я найду красавицу, которую ты так явственно увидел на этом бланке?

– Рассказать? – удивился Юферев. – Тебе? Мастеру сыска? Человеку с собачьим нюхом? Валера, я не могу поверить, чтобы такая женщина вошла в дом и никто этого не заметил, никто не обратил на нее внимания, никто не скользнул блудливым взглядом по ее губам. Подъезды запираются, установлены сложные замки, которые открываются с помощью каких-то кодов, набора специальных цифр. Если же отморозки узнали код заранее, то все равно ее должны были увидеть – идет девяносто девятый год, Валера! Люди смотрят друг на друга подозрительно и опасно, от каждого ждут пакости, ставят бронированные двери, подъемными кранами укладывают на дороге многотонные бетонные блоки, чтобы во двор не въехала чужая машина. Окна первых этажей забраны решетками, будто тюрьма арендует эти здания. У каждого в кармане газовый баллончик! Наступили наконец счастливые перемены, страна вступила

в рыночные отношения! У нас нет, слава богу, цензуры, каждый говорит все, что хочет, желающие могут даже рассказать анекдот о президенте или послать его на все тридцать три буквы русского алфавита! Ты забыл, в какое время живешь, Валера! Не может такого быть, чтобы во двор вошла незнакомая, смею надеяться, яркая женщина, прошла вдоль всего дома, вошла в подъезд, поднялась на какой-то там этаж, позвонила в дверь известного банкира... И чтобы всего этого не увидела ни одна живая душа?! Думаешь, такое возможно?

– Этот мусор, – Брыкин кивнул на середину комнаты, – можно выбрасывать?

– Досмотрим уж до конца. – Юферев вышел из-за стола. – Но кажется мне, что главное мы уже нашли.

* * *

В эту ночь Апыхтин почти не спал. Время от времени впадал в какое-то тягостное забытие, чувствовал себя тяжелым, неповоротливым, взмокшим и даже, забываясь, жалко и беспомощно постанывал. Потом спохватывался, садился на кровать и тут же вспоминал все, что произошло накануне.

– О боже... – произносил он с тяжким вздохом.

И снова опрокидывался на подушку.

Его раздражала собственная полнота, борода казалась тяжелой и ненужной, под одеялом становилось душно, и он отбрасывал его в сторону. Потом шел в ванную, долго смотрел в зеркало, и наступало в душе какое-то удовлетворение от того, что он не узнавал себя, хотя твердо знал – из зеркала на него смотрит именно он, Апыхтин Владимир Николаевич. Он плескал в лицо холодную воду, не вытираясь, шел в спальню, падал на кровать, со стоном переворачивался на спину и смотрел в слабо сереющий потолок.

Утро затягивалось, никак не могло собраться с силами, создавалось такое ощущение, словно кто-то сознательно оттягивает рассвет, чтобы сильнее досадить ему, довести до полного безумия.

– Ладно, ребята, ладно, – бормотал Апыхтин. – Ничего... Авось... Разберемся.

Иногда ему казалось, что в квартире кто-то есть, ходит по комнате, заглядывает на кухню. Он даже различал звуки шагов, шелест одежды, дыхание. Прислушивался, замирая от ужаса, от какой-то невероятной надежды: вдруг все, что он помнил, было сном, болезнью, бредом, вдруг все это его сумасшествие? И к этому он был готов – собственное умопомешательство принял бы с радостью.

Апыхтин поднимался, осторожно открывал дверь, выглядывал в комнату, всматривался в темные углы, которые, казалось, таили в себе какую-то жизнь, включал свет и видел все то же – голый пол, распахнутую дверь в Вовкину комнату и пустоту, болезненно остро ощущалась пустота в квартире.

Тогда он брел на кухню, открывал холодильник, а убедившись, что ничего там нет, захлопывал его и возвращался в спальню.

И опять во всех подробностях видел сумрачное сырое помещение, холодную бетонную плиту и на ней Катю – голую, спокойную, с почти отделенной головой. А рядом, на соседней, отвратно мокрой плите, лежал Вовка, тоже спокойный и притихший. Вот-вот, именно притихший, каким бывал, когда Апыхтин, случалось, ругал его за какие-то там провинности.

– Ничего, ребята, ничего, – бормотал Апыхтин. – Я исправлюсь. Вот увидите, я буду совсем другим.

И старался вытеснить из сознания картину морга, избавиться от жуткого наваждения – ему казалось, что и Катя, и Вовка, не двигаясь, но чуть скосив глаза, наблюдают за ним, боясь напугать слишком уж явным к нему вниманием.

А потом вдруг Апыхтин сразу, неожиданно как-то вспомнил, что в кладовке, среди стиральных порошков, паст и жидкостей стоит бутылка с совершенно непереносимым зловонным самогоном. Его привез его давний друг с Украины, решив порадовать Апыхтина старым, почти забытым напитком. Катя не выбросила самогон только потому, что изредка использовала его для протирки мебели, хрусталя, окон.

– О! – воскликнул Апыхтин. – О! – повторил он и, поднявшись, зашагал босыми ногами к шкафчику в ванной. Большой, грузный, взлохмаченный, со съехавшей набок бородой и обвисшим животом. – Скорее в параллельный мир, ребята, только там я смогу выжить.

Бутылка с мутноватой, полупрозрачной жидкостью оказалась на месте. Самогона в ней было даже больше, чем он предполагал, – три четверти бутылки. В движениях Апыхтина появилась твердость, осмысленность. На кухню он прошел уже быстрой, четкой походкой, даже живот подобрался и сделался почти незаметным, во всяком случае, он уже не висел, его живот был молод и упруг.

Сковырнув ножом пластмассовую пробку, Апыхтин, торопясь, налил самогон в подвернувшуюся чашку. Все он сделал быстро, почти суетливо, словно опасался, что кто-то может через секунду заглянуть к нему на кухню, застать за этим вот занятием, срамным и недостойным.

– Ох, Катя, какой же ты молодец! Какая ты хозяйственная баба! Ведь не выбросила, не вылила в унитаз, не сунула в мусорное ведро. Как знала, как знала, что ударит час и эта бутылка...

Апыхтин замолчал, словно поперхнувшись. Он вдруг осознал или просто ему показалось, что в последних словах переступил какую-то невидимую черту, нарушил что-то, пренебрег. Не то он сказал, ох не то...

– Прости, дорогая, – пробормотал Апыхтин, опускаясь на кухонную табуретку. – Я исправлюсь... Сейчас я отлучусь ненадолго и скоро вернусь... Здесь недалеко, где-то совсем рядом находится параллельный мир... Отдышусь и вернусь.

Подняв чашку, Апыхтин не отрываясь, не переводя дыхания выпил весь самогон до дна. В нем было не менее шестидесяти градусов. Странно, но ему понравился запах, от виски воняло точно так же, а по крепости это хваленое пойло даже сравниться с самогоном не могло.

Апыхтин еще не успел отойти от вечернего застолья с заместителями, и самогон подействовал на него быстро и убийственно. Едва добредя до спальни, Апыхтин упал на кровать и тут же заснул. А проснулся часа через три, когда комната была залита солнечным светом. Апыхтин с опаской прислушался к себе. Голова не болела, сознание было ясным, он все помнил, все понимал. Протянув руку, нащупал на тумбочке очки, надел их, и мир вокруг сразу стал ясным и жестким.

– Так, – сказал он негромко и через некоторое время повторил: – Так.

Будто гвозди вбивал, закрепляя в сознании происшедшее.

Взглянул на часы – ему пора уже быть в банке.

Опоздал.

И никто не звонил, никто не решался потревожить его в это скорбное утро.

– Жалеют, – усмехнулся он кривовато. И сам понял – нехорошо улыбнулся по отношению ко всем, кто знал его. И не огорчился этому своему пониманию. – Перебьетесь, – добавил он и направился в ванную.

Умывался Апыхтин, подбривал щечки, чистил зубы как никогда тщательно, словно одними этими своими действиями выполнял какой-то ритуал, словно освобождался от чего-то гнетущего.

Подошел к окну.

Его «Мерседес» стоял на обычном месте. Но водитель не позвонил, не доложил.

– Жалее, – проговорил Апыхтин, но уже теплее, добрее. Водитель вел себя правильно, и он это оценил.

Подошел к зеркалу, но не сразу решился поднять глаза, не сразу. А встретившись с собой взглядом, смотрел на себя долго и пристально.

– Неважно выглядишь, – сказал он, – неважно.

И вдруг вздрогнул и побледнел, услышав, как хлопнула дверь в спальню.

– Так, – сказал он почти неслышно и, сцепив зубы, вышел из ванной.

С усилием делая каждый шаг, приблизился к спальне. Дверь была плотно закрыта, а Апыхтин прекрасно помнил, что он не закрывал ее, она осталась распахнутой.

Подойдя к двери, резко открыл ее.

В спальне никого не было.

Взглянув на окно, понял, в чем дело, – дверь захлопнулась от сквозняка. Да, он открыл форточку и сам же устроил сквозняк.

Неожиданно резко прозвучал телефонный звонок.

Апыхтин некоторое время смотрел на него с недоумением, не понимая, что он должен делать, как поступить. Наконец сообразил. Подошел, поднял трубку.

– Да! Слушаю! – Слова прозвучали резковато, это Апыхтин понял, осознал, но не пожалел об этом, он попросту не готов был разговаривать с кем бы то ни было.

– Здравствуй, Володя! – Голос прозвучал негромко, сочувствующе, но без слезливости.

– Здравствуй.

– Не узнаешь?

– Конечно, нет.

– Кандауров беспокоит.

– По какому поводу? – спросил Апыхтин без издевки, он и в самом деле не догадывался, что об убийстве знает весь город.

– Володя... Значит, так... Я с тобой, Володя. Я все знаю... утешать не буду, не умею, но скажу... Я найду их, Володя. Вот увидишь. Сука буду, найду.

– Страшные слова в твоих устах, – усмехнулся Апыхтин.

– Я знаю, что сказал. Эти слова не случайно вырвались. Повторяю – сука буду, найду.

– Ну, найдешь – и хорошо, – ответил Апыхтин с неожиданной легкостью и сразу понял – его слова прозвучали пренебрежительно.

– Ты прав, Володя, ты прав. И моя вина есть... Недоглядел. Но и я получил удар.

– Надо же, – и опять ответ получился насмешливым.

– Я найду их, Володя.

– Послушай, Костя... Спасибо, что позвонил, что не забыл... А найдешь ли ты их, не найдешь... Хочешь откровенно?

– Хочу.

– Не найдешь. Мне так кажется.

– Сука буду, – повторил Кандауров каким-то смазанным голосом и положил трубку.

– Как скажешь. – Апыхтин и сам не заметил, как слабость и беспомощность в нем сменились почти детской обидчивостью, словно люди, которые должны были отнестись к нему почтительно, проявили себя неблагодарными. Ему нанесли страшный удар, его размазали по стене, и никто, ни одна живая душа ничего не сделала, чтобы предотвратить удар, спасти его или хотя бы предупредить об опасности.

Когда Апыхтин вышел на площадку, то с капризным раздражением, но в то же время и с явным удовольствием увидел на ближайшем подоконнике охранника из банка. Молодой парень сидел, опершись спиной о раму и положив на колени короткий черный автомат. Увидев Апыхтина, охранник спрыгнул с подоконника и если и не вытянулся в струнку, то принял позу достаточно уважительную.

Апыхтин знал этого парня, сам принимал его на работу, и где-то в глубине души шевельнулось чувство благодарности за это ночное дежурство.

– Привет, – сказал он, направляясь к лифту. – Ты что же, всю ночь здесь отсидел?

– Велено.

– А... Тогда конечно, тогда понятно.

Подождал лифт, парень вошел в кабину вслед за Апыхтиным и тут же нажал кнопку первого этажа, хотя кто-то за углом уже торопился к лифту, выкрикивая поспешные слова, прося подождать, захватить его в просторную кабину.

– Что ты так? Подвезли бы соседа!

– Перебьется, – ответил парень с нарочитой грубостью.

– Тоже верно, – согласился Апыхтин.

И это в нем появилось – он охотно соглашался со всем, что ему говорили: не было ни сил, ни желания что-то отстаивать, возражать, добиваться. Это казалось совершенно несущественным, ненужным.

Уже в машине Апыхтин вспомнил, что не позавтракал, и это тоже не огорчило – если так случилось, значит, так и должно было случиться. Он сидел на заднем сиденье, автоматчик устроился впереди, рядом с водителем. Наверно, так и положено. Или же он сам первым сел на заднее сиденье, и охранник не осмелился сесть рядом. И здесь не возникло у Апыхтина своего мнения, желания что-то исправить. Если так расселись, значит, иначе было и нельзя.

Апыхтин опустил стекло, в машину ворвался свежий утренний воздух, шелест шин по мокрому асфальту, городской невнятный шум. И вдруг неожиданно, как бы из ничего, без всяких внешних причин возникло воспоминание – Кандауров спрашивает, нет ли у него врагов. Апыхтин заверил Кандаурова, что все в порядке, на его горизонте ясное небо. Кандауров ничего не ответил, но в банке тогда провели какие-то косметические охранные меры, призвали всех к бдительности, и на этом все закончилось.

И вот, пожалуйста...

Поколебавшись, Апыхтин вынул коробочку сотового телефона и набрал номер Кандаурова. Тот ответил сразу, будто ждал звонка, будто наверняка знал, что Апыхтин позвонит.

– Костя?

– Слушаю, Володя!

– Я ворчал... Ты уж не имей на меня зуб... Были причины, как ты знаешь.

– Все нормально, Володя. Забудь.

– Причины, как ты понимаешь, уважительные... Обычно я не ворчу, не капризничаю.

– Проехали, Володя, давно проехали.

– Послушай... Недавно ты спрашивал о врагах... За этим что-то стояло? Или просто призывал к бдительности?

– Стояло.

– Больше ничего не добавишь?

– А нечего добавлять. Прошел слушок... В наших кругах, естественно. Промелькнула твоя фамилия.

– В какой связи?

– Не знаю. Но вот так просто фамилии не произносятся. Это было не при мне, ребята доложили. Якобы кто-то где-то кому-то...

– Не хочешь сказать или действительно не знаешь?

– Володя, послушай... Как только ребята доложили мне, я в тот же день позвонил тебе и все сказал открытым текстом.

– Помню.

– Не сомневайся во мне, Володя, ладно?

– Не буду.

– Все, что я сказал сегодня утром, остается в силе. Держись, Володя.

– Постараюсь, – ответил Апыхтин и выключил телефон. Он не мог больше говорить. Самые простые слова Кандаурова, эти вот «держись, Володя», оказали на него совершенно неожиданное действие – он чуть не расплакался и с трудом глотал какие-то комки, сотрясающие все его большое тело. Встретившись взглядом с водителем в зеркале, он сдвинулся в сторону, чтобы тот не понял, не догадался о его состоянии.

Да, так бывает – прочувствованные слова друзей, соратников оставляют нас совершенно равнодушными, и слушаем мы их снисходительно и даже с некоторым раздражением, дескать, скорее бы заканчивали. Не затрагивают они ничего трепетного и заветного, а если что и дают, то лишь удовлетворение уставшему самолюбию. Но случайно брошенное слово человека далекого, может быть, даже презираемого, человека, которого мы даже стыдимся, вдруг цепляет что-то важное, болезненное в душе, и ты готов разрыдаться на плече попутчика в электричке, разговаривать с поздним выпивохой у ночного киоска, пожаловаться таксисту.

Что за этим?

Привычная опасливость, подсознательная боязнь ближних, потому что по-настоящему чувствительный удар может нанести человек, хорошо знающий, где у тебя болит.

Или невозможность носить в себе нечто гнетущее, невыносимо тяжелое? Или сохранившееся из глубины веков стремление быть искренним, открытым и простодушным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.